

1
Prix 60 fr.

LE DÉMOCRATE RUSSE

Revue mensuelle — Rédacteur S. MELGOUNOFF

**Российский
Демократ**

ОРГАН «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ РОССИИ».

№ 2 1953 г. (Сборник 23)

П А Р И Ж

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

	Стр.
От Координационного Центра Антибольшевицкой Борьбы	3
Ред. Заявление адм. Стивенса	7
А. Михайловский. На верном пути	9
С. Карин. Судьба радиостанции «Освобождение»	32
К. И. Обстановка в СССР	36
С. Мельгунов. Жуткая фигура	39
И. Херасков. Путь российской революции	43
Н. Ульянов. Русь — Малороссия — Украина	46
В. Никитин. Крестьянство и колхозы	59
И. Херасков. Российская Федерация или Федерация Рос- сийских Народов	65

Пожертвования на Союз и на издание
«РОССИЙСКОГО ДЕМОКРАТА»
следует направлять на текущий почтовый счет
С. П. Мельгунова:
Melgounoff Serge, CC 1841—19, Paris.

2

LE DÉMOCRATE RUSSE

Revue mensuelle — Rédacteur S. MELGOUNOFF

*Российский
Демократ*

ОРГАН «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ РОССИИ».

№ 2 1953 г. (Сборник 23)

П А Р И Ж

Adresse: "LES INDÉPENDANTS", Boite Postale 126, Paris XV
Compte Postal : MELGOUNOFF Serge, Paris. — C.C. 1841-19

От Координационного Центра Антибольшевицкой Борьбы

I. СООБЩЕНИЕ ПЛЕНУМА.

В результате Пленума, начавшегося в Тегернзее 16 мая и продолжавшегося до 30 июня с. г. в Мюнхене, Координационный Центр Антибольшевицкой Борьбы подвергся решительной перестройке.

В данное время в него входят следующие организации много-национальной политической эмиграции:

Грузинский Демократический Союз,
Калмыцкий Комитет по Борьбе с Большевизмом,
Национально-Трудовой Союз (НТС),
Объединение Армянских Борцов за Свободу,
Объединение Украинских Федералистов-Демократов (ОУФД),
Российское Народное Движение (РНД),
Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР),
Союз Борьбы за Свободу России (СБСР),
Татаро-Башкирский Комитет,
Украинский Вызвольный Рух (УВР),
Центральное Объединение Послевоенных Эмигрантов (ЦОПЭ).

Отказавшись подчиниться требованиям Статута и ранее принятым решениям, следующие организации поставили себя вне Координационного Центра:

Грузинский Национальный Совет,
Комитет Азербайджанского Национального Объединения,
Лига Борьбы за Народную Свободу,
Северо-Кавказское национальное Объединение (СКАНО),
Туркестанский Освободительный Комитет (ТЮРКЕЛИ).

Еще до созыва Пленума в Тегернзее, две организации — члены Координационного Центра (Грузинский Национальный Совет и Комитет Азербайджанского Национального Объединения) вступили в сепаратные сношения с блоком организаций, цели и задачи которых несовместимы с целями и задачами Координационного Центра. Вместе с так называемыми "правительствами в изгнании" (Армянское, Грузинское, Белорусское и Украинское) и некоторыми другими организациями того же характера Грузинский Национальный Совет и Комитет Азербайджанского Национального Объединения подписали в Париже 31 марта с. г. меморандум Американскому Комитету Освобождения от Большевизма, поставив в нем условия, выполнение которых повело бы к уничтожению Координационного Центра и созданию вместо него приемлемой им организации на совершенно иных основаниях. Подписав этот меморандум, Грузинский Национальный Совет и Комитет Азербайджанского Национального Объединения не

покинули Координационный Центр, а остались в нем, ведя подрывную работу изнутри, совместно с тремя другими организациями, и в том числе Лигой Борьбы за Народную Свободу.

По инициативе Американского Комитета Освобождения от Большеизма, сотрудничающего с Координационным Центром, Координационный Центр вел частные переговоры с организациями, подписавшими Парижский меморандум, которые ни к чему не привели.

Убедившись в том, что эти переговоры беспредметны, организации Координационного Центра, верные его Статуту, поставили два условия, без принятия которых отказались продолжать переговоры. Эти условия следующие:

1) Признавая безусловное право каждого народа на самоопределение, К.Ц. устанавливает, что реализация этого права осуществляется актом свободного народного волеизъявления после окончательного свержения большеизма на всей территории СССР.

2) Признает безусловное право на представительство в Координационном Центре всех демократических течений и направлений политической мысли внутри каждой национальной эмиграции независимо от того, стоят ли они на точке зрения государственной независимости данного народа, либо государственного единства с русским народом в форме федерации или конфедерации.

Не получив удовлетворительного ответа на эти вопросы, Координационный Центр переговоры прекратил до тех пор, пока организации "Парижского блока" будут продолжать стоять на позиции предательства народной воли, узурпации народных прав и пытаться монополизировать представительство поработенных народов.

После этого Пленум перешел к деловой работе вместе с организациями, вошедшими в его состав, как на основании решения январского Пленума Координационного Центра, так и на основании решений данного Пленума.

Пленум Координационного Центра Антибольшевицкой Борьбы в своем законном составе, названном выше, ставит перед собой задачу немедленного перехода к практической антикоммунистической деятельности в соответствии со Статутом Координационного Центра и утвержденными планами такой деятельности.

В дальнейшем непреложным законом деятельности Координационного Центра становится защита его суверенитета, на основе которого Координационный Центр будет стремиться делать все возможное и необходимое для помощи всем поработенным народам в СССР в их борьбе против большеизма и для защиты интересов этой борьбы в иностранном мире.

Поэтому Координационный Центр будет неизменно стремиться расширять фронт антибольшевицкой борьбы и вовлекать в свои ряды все активные демократические антибольшевицкие силы эмиграции. Координационный Центр будет стремиться вести свою работу возможно более открыто и информировать о ходе этой работы эмигрантскую общественность и иностранный мир.

II. К ЗАРУБЕЖНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Координационный Центр Антибольшевицкой Борьбы создан 16-го октября 52 года, как орган действенной борьбы против коммунистической диктатуры, в юдинаковой степени угнетающей все народы нашей великой Родины. Объединяя активные силы этих народов во имя восстановления свободы человеческой личности, права каждого народа на самоопределение и торжества последовательного народовластия, Координационный Центр построен на началах *непредрешенчества*: сами народы должны свободным волеизъявлением решить свою судьбу после свержения большевизма на всей территории нынешнего СССР.

Такая концепция приемлема для всех подлинно демократических сил эмиграции, — русских и не-русских, республиканцев и конституционных монархистов, самостоятельных, федералистов, конфедералистов и автономистов.

Ставя себе основной и первоочередной задачей борьбу с большевизмом, мы убеждены, что всякое национал-шовинистическое предрешенчество ведет не к расширению, а к сужению освободительного фронта. Оно раздробляет его на множество местных фронтов, слабо спаянных между собою организационно, взаимно чуждых, зачастую друг другу враждебных. Борьба с большевизмом подменяется, сознательно или бессознательно, ставкой на расчленение России. Вместо общего действия объединенных антикоммунистических сил, создается случайное и беспорядочное скопление разрозненных групп, действующих вразброд, мешающих одна другой. Удары наносятся врагу не сжатым кулаком, а растопыренными пальцами. Ити на борьбу с большевизмом таким путем — задача не только не благодарная, но, если знать обстановку и настроения внутри СССР, и безусловно вредная.

Попытка толкнуть Координационный Центр на этот гибельный путь, разрушить его извне и разложить изнутри, — не удалась, как не удалась и попытка создать вместо него новый предрешенческо-самостоятельный орган. Координационный Центр Антибольшевицкой Борьбы продолжает существовать, уверенный, что все творческие силы многонациональной антикоммунистической эмиграции сплотятся вокруг него. И если свободный демократический мир в борьбе против воинствующего коммунизма также займет последовательно непредрешенческую позицию в отношении будущих судеб России, как и судеб народов, населяющих ныне территорию СССР, то час крушения большевицкой диктатуры неизбежен и близок. Кровь героев — борцов за освобождение Родины лилась и льется не напрасно. Она — несокрушимая спайка всех освободительных сил нашей многочисленной эмиграции, подчиняющих все одной задаче: освобождению родных народов от безчеловечной и преступной диктатуры мирового коммунизма.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

Координационный Центр обращается к вам с горячим призывом — сомкнуть свои ряды в борьбе за освобождение Родины, — во имя создания на обломках большевицкого самовластия строя свободы, права, справедливости, братства, духовного и материального роста и процветания.

Сыны и дочери, поработанных и обездоленных коммунизмом народов, выброшенные из родных городов и сел, рассеянные по всему миру, не могут и не смеют угасить в своих душах светоч борьбы, принесенный ими на чужбину. Многонациональная эмиграция, представляющая ныне перед внешним миром подосветские шароды, угнетаемые коммунизмом, должна наперечь все силы для его уничтожения.

Наступил судьбоносный час мировой истории. Большевицкие властители повели после смерти Сталина свою старую испытанную игру в фальшивое миролюбие. Они не без основания рассчитывают, что не-коммунистический мир, ослепленный миражем “мирного сосуществования” с Советским блоком, поверит в искренность сталинских наследников, ослабит свою волю к сопротивлению, свою духовную и материальную мощь защиты и противодействия. Пусть это ослепление будет кратковременным, но платить за него придется дорого и народам, поработанным коммунистической диктатурой, и народам свободным.

В этот ответственный час эмиграция всех народов, населяющих нынешний СССР, должна явить миру пример глубокого и ясного понимания смысла происходящих событий, пример безусловного отрицания коммунизма и непримиримости к нему, пример безграничной готовности жертвенно бороться против него.

На эту революционную борьбу мы зовем всех, кто не забыл, что сотни миллионов людей за “железным занавесом” не хотят новой войны, как ее не хотим и мы. Они ждут от нас помощи и поддержки. Они ждут ее и от Тебя!

*Грузинский Демократический Союз, Д-р Г. Венхвадзе.
Калмыцкий Комитет по Борьбе с Большевизмом, Д-р С. Степанов.*

*Национально-Трудовой Союз (НТС), П. Поремский.
Объединение Армянских Борцов за Свободу, Д-р Г. Сааруви.
Объединение Украинских Федералистов-Демократов (ОУФД),
Проф. П. Шидлевский.*

*Российское Народное Движение (РНД), А. Керенский.
Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СВОНР),
Г. Антонов.*

*Союз Борьбы за Свободу России (СБСР), С. Мельгунов.
Татаро-Башкирский Комитет, Г. Файзуллин.
Украинский Вызвольный Рух (УВР), Д. Гулай.
Центральное Объединение Послевоенных Эмигрантов (ЦОПЭ),
Г. Климов.*

Заявление адмирала Стивенса

В ответ на многочисленные запросы, последовавшие за опубликованием в прессе сообщения одиннадцати эмигрантских организаций о конфликте в Координационном Центре, председатель Американского Комитета Освобождения от Большеизма, вице-адмирал Лесли К. Стивенс сделал следующее заявление:

“С самого начала своей деятельности по оказанию помощи эмиграции в ее борьбе против большеизма Американский Комитет ясно указывал, что он может поддерживать только единый фронт ответственных российских и не-русских организаций, где ни один из этих элементов и ни одна часть их не доминирует над другими. Никакого иного объединения эмиграции Комитет поддерживать не может. Американский Комитет последовательно стремился установить сотрудничество расколотых на мелкие части политических единиц, ведущих борьбу за освобождение народов Советского Союза от коммунистического ига.

Недавнее сближение нескольких значительных российских и не-русских организаций с областью деятельности Координационного Центра открыло, впервые за тридцать семь лет, перспективу создания широкого и мощного общего фронта эмиграции против коммунистической тирании и империализма. В настоящий момент свыше двадцати демократических групп различной национальности, представляющих значительное большинство умеренного ядра политических беженцев от красного террора, образовали два крыла с двумя противоречивыми программами.

Американский Комитет не может поверить, что перед лицом того нарастающего кризиса, который переживает сейчас советский режим после смерти Сталина, руководители крупных антибольшевицких группировок эмиграции не смогут найти общей платформы, на коей можно объединить все здоровые элементы для ведения решительной борьбы за освобождение их родины. Мы считаем, что такое сотрудничество необходимо для ведения успешной борьбы против большевицкой язвы и что творческие силы эмиграции найдут путь для совместного решительного действия”.

Происшедшая в К. Ц. “революция” до известной степени носила характер легитимный, ибо произошла она под знаменем защиты компромиссных положений “Статута” К. Ц., с таким мучительным трудом выработанных и принятых в октябре прошлого года. Мы одновременно защищали и священность договора, подписанного нами с Амер. Комитетом, ибо все же писать законы, ежели их не выполнять.

Своему сотрудничеству с Амер. Комитетом мы придавали огромное значение и, в силу этого, всегда с большой толерантностью относились к тенденции Ам. Ком. чрезмерно уже опекать “творче-

ские силы эмиграции". Такая тенденция не раз создавала почву для конфликтов, которых, во имя сохранения общего дела, мы старательно избегали — только в редких случаях мы вынуждены были напоминать своему иностранному партнеру о своей независимости. Так 2-го июня в телеграмме адм. Стивенсу нам пришлось сказать: "Мы неизменно готовы быть союзником в общей борьбе против общего врага, но никакое давление извне не может превратить нас в послушных исполнителей указаний, с которыми по совести мы согласиться не можем".

Как и Амер. Комитет, мы всегда были и остаемся самыми горячими поборниками "единого фронта" много-национальной российской эмиграции против коммунистической тирании. С полным правом в указанной телеграмме мы могли отметить: "Оставаясь верными нашим целям и подписанным документам, мы неоднократно шли на крайние уступки для расширения фронта антибольшевизмской борьбы". Никогда мы не отстаивали преобладание в К. Ц. российских групп перед национальными, твердо держась принципа того непредвзятости народной воли, на базе которого было построено наше соглашение с американцами. Не наша вина, что фантомы сохранившихся от эпохи гражданской войны в России национальных экзильных правительств, которые тщетно Ам. Ком. пытается привлечь к общему сотрудничеству, погрязли в атмосфере эмигрантской политической схоластики, столь чуждой в нашем представлении психологии населения современного СССР.

Адмирал Стивенс должен признать, что в результате бесконечных разговоров и переговоров образовались "два крыла с двумя противоречивыми программами", т. е. воз не сдвинулся с места. Безплодна такая политика. Приходится сделать выбор между двумя концепциями. Американскому Комитету "Освобождения от Большеизма" надо найти в себе смелость занять не двусмысленную позицию и не ставить нас в положение того философствующего "Буриданова осла", который, как известно, окончил свои дни голодной смертью, не зная, из какого стога начать ему есть сено... Этого требует жизнь.

Адмирал Стивенс ссылается на кризис после смерти Сталина. Мы глубоко согласны с ним. Время не ждет. Утопия, однако, остается утопией и не может быть действенным средством для "успешной борьбы против большевизмской язвы", как выражается председатель Ам. Ком. Преждевременное заявление адм. Стивенса в печати в теперешней обстановке может означать лишь отказ от "совместного решительного действия". Американский Комитет, таким образом, сам разрушает то дело, которое началось, в значительной степени по его инициативе. Пойдем одни!

Ред.

На верном пути

I.

“РЕВОЛЮЦИЯ” В КЦАБ.

Первый акт последней части политической трилогии: “Создание, кризис и обновление КЦАБ” разыгрался в небольшом баварском городке, на берегу живописного Тегернского озера. 16-го мая 1953 года там открылся Третий Пленум Координационного Центра Антибольшевицкой Борьбы, ровно семь месяцев до этого образовавшегося в Мюнхене.

Постороннему наблюдателю трудно себе представить, в какой нездоровой обстановка приходилось работать представителям российской эмиграции в Центральном Бюро КЦАБ. *Повседневная* атмосфера внутри и вокруг Координационного Центра — это был какой-то кипящий котел политических страстей, интриг, ущемленных национальных и личных самолюбий.

Координационный Центр не был работоспособен. Виной тому был не Статут, оказавшийся на практике лучше, чем можно было думать первоначально. Виной тому не был даже и пресловутый паритет (50:50) между российскими и национальными организациями — сам по себе. Причина неработоспособности КЦАБ заключалась в сознательном злоупотреблении принципом паритета: с одной стороны, Лига стремилась, опираясь на “националов”, обеспечить себе решающее влияние на политику КЦАБ; с другой — некоторые национальные организации, уже перешедшие тайно в лагерь так называемого “Парижского блока”, разлагали Центр *изнутри*, рассчитывая воздвигнуть на его обломках здание нового центра — предпрещенческо-самостийнического. Положительная, конструктивная, творческая деятельность КЦАБ парализовалась *намеренно*. Это нужно сказать со всею откровенностью. Доказать его несостоятельность, “порочность его структуры”, как неоднократно выражался г. Н. К. Цинцадзе, — стало главным стремлением части организаций, входивших в Координационный Центр. Планомерно было выдвинуто требование о пересмотре Статута и внесении в него “кое-каких несущественных изменений”.

Перманентный кризис, искусственно вызванный внутри КЦАБ, преследовал вполне определенную цель: вхождение в Центр “квалифицированных” и “авторитетных” национальных группировок, — предпрещенческо-самостийнических, претендующих в лице “экзильных правительств” на монопольное представительство не-русских народов, населяющих ныне территорию СССР. “Миссия” Добрянского, “Кавказский мусульманский блок”, конференция в Карлсруэ и, наконец, Парижский меморандум от 31-го марта 1953 года — все это этапы единой “ливии”, единой большой акции. Задачей ее являлась ликвидация Координационного Центра и создание *вместо него* нового “Меж-

национального Центра", в котором доминировали бы сепаратисты-предрешиенцы. Достаточно прочесть внимательно текст Парижского меморандума, чтобы убедиться в одном: *борьба с большевизмом подменяется борьбой против России, ставкою на ее расчленение*. Одновременно, стремление Американского Комитета к механическому — не органическому — объединению "всех демократических сил российской и национальной эмиграции из СССР" косвенно способствовало целям предрешиенческо-самостийнических группировок. Оно имело место, хотя принципиальная позиция Американского Комитета, со всею определенностью отвергшая основные положения Парижского меморандума, казалась бы, совпадала с политической платформой Статута Координационного Центра, построенного на началах последовательного народовластия и непредрешиенчества.

Союз Борьбы за Свободу России, Российское Народное Движение и подавляющее большинство, основная масса членов СВОИР, естественно, не чувствуют ни малейшей симпатии к сепаратистским течениям национальной эмиграции, в особенности — если они не стоят на точке зрения искреннего и последовательного непредрешиенчества. В частности, наш Союз будет всеми силами стремиться к сохранению государственного единства России в форме всероссийской федерации. Но и мы, и другие демократические группы российской политической эмиграции честно признаем право каждого народа на самоопределение при условии, что оно будет осуществлено актом свободного народного волеизъявления после уничтожения большевизма на всей территории России. Иначе говоря: всякая сепаратистская группировка национальной эмиграции, демократическая и принимающая Статут КЦАБ, имеет полное право быть членом Координационного Центра. Это — наше искреннее убеждение. Но такое же право принадлежит и другим течениям демократической мысли внутри каждой национальной эмиграции — федералистам.

Таким образом, и национальные группы так называемого "Парижского блока" могли бы беспрепятственно войти в КЦАБ, подписав его Статут и, следовательно, *отрекшись* от основных положений своего меморандума от 31-го марта 1953 г. Однако, этим прямым путем они не пошли. Напротив, парижская семерка потребовала предварительного изменения Статута КЦАБ в *примлемом* для нее духе. Во-вторых, организации "Парижского блока" пожелали каждая — *монопольно* представлять в Центре данный не-русский народ. При этом все такие условия ставились не Координационному Центру Антибольшевицкой Борьбы непосредственно, а своим "сателлитам" внутри КЦАБ, своему "союзнику" Лиге и... Американскому Комитету — по крайней мере, в лице некоторых его представителей, стремившихся, во что бы то ни стало, "объединить" необъединимое.

Результаты всех этих маневров немедленно сказались на работе Тегернзейского Пленума КЦАБ. С одной стороны, Американский Комитет, идя навстречу желаниям парижской семерки, настаивал на предварительном соглашении между "Парижским блоком" и девятью организациями-учредительницами КЦАБ. С другой — "сателлиты"

7

и "союзники" парижской семерки внутри Координационного Центра предприняли все, чтобы воспрепятствовать фактическому вхождению в Центр групп, уже состоявшихся по постановлению январского пленума. в КЦАВ с 30-го апреля с. г. Под предлогом, что вновь принятые организации еще должны быть "оформлены", заседание Пленума было открыто в составе только девяти организаций-учредительниц. Делегация Украинского Объединения Федералистов-Демократов, безоговорочно принятая в январе с. г. в КЦАВ и, в силу этого, приглашенная Председателем Центрального Бюро С. П. Мельгуновым на Пленум, подверглась грубым и оскорбительным нападкам со стороны "парижских сателлитов" и предпочла Пленум покинуть. Тогда большинством 5¼ против 4¾ голосов председателем Пленума был избран Б. П. Николаевский (ЛИГА). Не подлежит сомнению, что и это избрание и сам Пленум были незаконны, поскольку на него не были приглашены и допущены 4 полномочных члена КЦАВ — организации, принятые на январском пленуме. Но так как три российских группы (РНД, СВОИР и СВЗСР) и Армянское Объединение Борцов за Свободу допустили роковую ошибку, приняв участие в выборах председателя, положившись на обещание, что тот немедленно перейдет к "оформлению" вновь принятых организаций, непоправимое совершилось: формальное (но, по существу, фиктивное, ибо незаконное) большинство в полголоса стало решающим. И оно определяло продолжение Пленума в составе лишь девяти организаций-учредительниц КЦАВ, — по крайней мере, до завершения переговоров с "Парижским блоком". Об этих переговорах говорится дальше...

РНД, СВОИР, СВЗСР и Армянское Объединение Борцов за Свободу отказались от дальнейшего участия в Пленуме, пока на него не будут приглашены вновь принятые организации, полномочные члены КЦАВ с 30-го апреля 1953 г. Кроме того ими был поставлен ребром вопрос о праве участия в Координационном Центре Грузинского Национального Совета и Азербайджанского Комитета Национального Объединения, подписавших Парижский меморандум, в корне противоречащий Статуту КЦАВ. Когда оба требования так и оказались гласом вопиющего в пустыне, Председатель ЦБ КЦАВ, С. П. Мельгунов, созвал на 2-ое июня с. г. в Тегернзее Пленум КЦАВ в его полном составе. "Блок пяти" не явился, и Пленум был продолжен без них, перенесен затем свою работу в Мюнхен. Все дальнейшее видно из печатаемого выше Сообщения и Обращения Координационного Центра Антибольшевизмской Борьбы от 30-го июня 1953 г.

Итак, КЦАВ в дополненном и обновленном составе существует. Двери его попрежнему широко открыты для демократических группировок, как российской, так и национальной эмиграции, принимающих Статут Координационного Центра. Открыты они на общих основаниях и для организаций так называемого "Парижского блока".

Правда, Американский Комитет, заигноризированный идеей "всесоборного объединения", обновленного КЦАВ не признал, как не признал он и "КЦАВ" г. Николаевского и иже с ним. Правда, представителям Лиги удалось по испытанному методу внутреннего раз-

ложения организаций, примененного в отношении "новейших" и украинских федералистов, инсценировать "раскол" в руководстве СБОНР (массы и все отделы остались верными *законному* руководству во главе с Г. П. Антоновым). Правда, "КЦАБ" г. Николаевского договаривается непосредственно с организациями "Парижского блока", рассчитывая после создания нового "Международного Центра" на признание последнего Американским Комитетом. Все это имеет сейчас *второстепенное* значение.

Перед лицом событий, развертывающихся на ваших глазах в Советском Союзе, Координационный Центр Антибольшевицкой Борьбы, опирающийся на политическую и моральную поддержку *широких* кругов российской и национальной *демократической* эмиграции, непоколебимо идет по избранному им пути. Его дело — большое и *правое*. Союз Борьбы за Свободу России, тверже, чем когда бы то ни было, поддерживает обновленный КЦАБ и знает, что стоит на *верном* пути.

II.

ПОЧЕМУ МЫ ДЕРЖИМСЯ ЗА СТАТУТ К. Ц. А. Б.?

"Поставив свою подпись под Статутом Координационного Центра Антибольшевицкой Борьбы, мы твердо и неуклонно остаемся верными принятым на себя обязательствам. И никому не удастся заставить нас сойти с пути, на который встал наш Союз, войдя в Координационный Центр".

Такими словами заканчивалась моя статья "Не коалиция, а координация", помещенная в № 1-ом "Российского Демократа" за текущий, 1953-ий, год. Слова эти были не случайны: они выражали не только мой личный взгляд, но — прежде всего — точку зрения Союза Борьбы за Свободу России. Они повелительно диктовались обстановкой, которая *систематически* создавалась вокруг и внутри Координационного Центра и неминуемо вела или к позорной самоликвидации КЦАБ, как нежизненного и бесплодного начинания, или к решительным мероприятиям, которые превратили бы, наконец, Центр в то, чем он *должен* быть: в орган действительной и *действенной* борьбы против большевизма.

Не буду останавливаться на всех подробностях пережитого Координационным Центром кризиса, *искусственно* вызванного ударами, наносимыми КЦАБ и его Статуту одновременно извне и изнутри. К ним еще придется вернуться в ходе собрания и укрепления сил антикоммунистического зарубежья, ибо *эта* задача стоит сейчас перед нами. Ограничусь основным и существенным. Зарубежная российская общественность вправе знать *сущность* происходящего прежде, чем оказать Координационному Центру Антибольшевицкой Борьбы нравственную и политическую поддержку, в которой он ныне нуждается больше, чем когда бы то ни было.

Предвосхищая хронологическое изложение событий. Координа-

ционному Центру пришлось подвергнуться рискованной хирургической операции. Операция удалась. Пациент не умер. Он жив и находится на пути к выздоровлению. Однако, осложнения возможны и вероятны. Опасность смертельного исхода не устранена окончательно. И, тем не менее, этот риск мы обязаны были на себя взять. Иначе действовать мы по совести не могли, — мы, российские политические организации, входящие в КЦАБ, и в особенности — мы, *Союз Борьбы за Свободу России*.

Запутанная и сложная международная обстановка создавалась после смерти Сталина. В связи с особенно извилистым зигзагом "миролюбия" советской внешней политики, она побудила и нашего мощного союзника в антибольшевицкой борьбе — общественность США в лице "Американского Комитета Освобождения от Большеизма" — считаться с специальными интересами Великобритании, Франции и Турции в деле создания единого фронта для противодействия коммунизму. В ходе согласования этих специальных интересов с различными концепциями антибольшевицкой борьбы, *принципиально* одна другую исключаящими, возник новый план, — элементарно-простой в теории и чрезвычайно трудно осуществимый на практике. Это — план *механического объединения всех* демократических сил антикоммунистической "эмиграции из СССР" в Координационном Центре Антибольшевицкой Борьбы, уже существующем с 16-го октября 52 года. Вся трудность такого объединения становится очевидной, если принять во внимание, что по новому плану в КЦАБ должны быть *в первую очередь* включены те *предрешенческо-самостийнические* группы так называемой "национальной эмиграции", которые до сих пор с яростью предельной нетерпимости атаковали Координационный Центр: открыто — в своей прессе, исподтишка — с черного хода государственных канцелярий и иных влиятельных учреждений Европы и Америки. Как бы там ни было, Американский Комитет Освобождения от Большеизма, *связанный* отныне определенными международными соглашениями и обязательствами США, встал на путь поддержки подобного механического "объединения всех" в единый, *максимально широкий* фронт антибольшевицкой борьбы.

Войти в КЦАБ, предварительно приняв и подписав его Статут, *предрешенцы-самостийники* не нашли для себя возможным. Впрочем, это и понятно: Статут Координационного Центра, несмотря на все недостатки своих компромиссных формулировок, в одном никаких двусмысленных толкований не допускает, — он зиждется на совершенно неоспоримом начале *непредрешенчества*, вытекающем из принципа *последовательного народовластия*, а выводом из него является положение, что весь политический спектр "национальной эмиграции" — сепаратисты, федералисты, конфедералисты и автономисты — *обладают равным правом* на представительство данной народности в "национальном секторе" КЦАБ, то-есть, иначе говоря, всякая *монополия сепаратизма исключается*.

"Национально-государственные представительства" *предрешенцев-самостийников*, войдя в контакт с Американским Комитетом по

вопросу сотрудничества в деле борьбы с большевизмом, примириться с политической платформой КЦАБ, к которой им предложено было примкнуть, никак не могли. Все их усилия сосредоточились на *разрушении* существующего Координационного Центра или, по меньшей мере, на превращении его в *новый* центр с принципиально *новым* статутом, приемлемым для сепаратистов-монополистов. При помощи двух национальных организаций, входивших в КЦАБ — Грузинского Национального Совета и Азербайджанского Комитета Национального Объединения, — при поддержке части руководства Туркестанского Освободительного Комитета (ТЮРКЕЛП) и Северо-Кавказского Национального Объединения (СКАНО), при прямом содействии, наконец, со стороны Лиги Борьбы за Народную Свободу, — была произведена попытка пересмотреть и изменить Статут Координационного Центра Антибольшевизмской Борьбы в духе соответствующих требований предпринимцев-самостийников. Одновременно “Делегация Армянской Республики”, “Азербайджанская Делегация”, “Рада Белорусской Народной Республики”, “Правительство Грузинской Демократической Республики”, “Грузинский Национальный Совет”, “Делегация Республики Северного Кавказа” и “Исполнительный Орган Украинской Национальной Рады” обратились в Американский Комитет Освобождения от Большевизма с обширным меморандумом “по вопросу усиления борьбы против большевизма”, датированным 31-ым марта 53 года.

Не буду останавливаться подробнее на этом документе. Полный текст его опубликован в печати, а в № 12 мюнхенской газеты “За Свободу” помещен исчерпывающий ответ на него. Ограничусь лишь несколькими замечаниями по существу. Прежде всего констатирую, что особенной скромностью авторы Парижского меморандума не отличаются, именуя себя “наиболее квалифицированными представителями своих народов”. Но их обремененность народным доверием более, чем иллюзорна. Их претензии на такое монопольное положение, по меньшей мере, бездоказательны: в 53 году они лишены даже каких-либо формально-юридических оснований, одни — в силу исторической давности, другие — вследствие своей сомнительной легальности. Тем не менее, парижская семерка с упорством выдвигает свою концепцию антибольшевизмской борьбы. Концепция эта чрезвычайно упрощена, и основная тенденция ее предельно ясна. Это — перепев избитой мелодии прометейско-абезновской шарманки: вся проблема борьбы с мировым коммунизмом сводится к освобождению не-русских народов нынешнего СССР от советских “оккупантов”, теперешних носителей и воплощений “векового русского империализма”.

Чего же добивается Парижский меморандум конкретно?

Его первое основное требование таково:

“Не-русские народы должны иметь полную гарантию восстановления или создания на своих этнографических территориях независимых государств, включая сюда территории, с которых было насильственно выселено коренное население. Вопросы, как внутреннего устройства, так и отношений с другими народами, должны быть раз-

решены свободно избранными учредительными собраниями (конституантами), созданными в территориальных границах данных народов их государственно-национальной властью”.

Иначе говоря: соответствующая “государственно-национальная власть” уже существует в виде так называемых “экзильных правительств”. Она определит границы “этнографической территории” возглавляемого ею “независимого государства” и созовет, в срок по своему усмотрению, “конституанту”, которая формально санкционирует установленные соответствующим “экзильным правительством” пределы “независимого государства” и его строй.

Но меморандум готов пойти и на известные уступки:

“Русский народ может иметь полную уверенность, что не-русские народы, не питающие к нему враждебных чувств, не собираются отторгнуть от России принадлежащих ей *русских* территорий. Доброжелательные и дружественные отношения между народами, входящими ныне в состав СССР, необходимы для стабилизации нормальных отношений в этой части мира”.

Авторы Парижского меморандума заверяют, что их народы не питают к русскому народу враждебных чувств. В этом мы не сомневались и не сомневаемся. Именно об этом свидетельствуют послевоенные эмигранты “оттуда” — “новейшие”. Под сомнением стоит лишь отношение к России и русскому народу организаций так называемого Парижского блока. Во всяком случае, из их печати такого “отсутствия враждебных чувств” что-то не видно. Между тем, в российской зарубежной прессе нельзя найти в отношении не-русских национальностей нынешнего СССР даже и отдаленного подобия того, что в их журналах и газетах пишется о русском народе. Одно указание, что советский режим и русский народ — не одно и то же, вызывает как-раз у “квалифицированных” национальных организаций бурю негодования и протесты. И если парижская семерка торжественно провозглашает, что “не-русские народы... не собираются отторгнуть от России принадлежащие ей *русские* территории, то такое заявление звучит, несмотря на всю свою “определенность”, и фальшиво и двусмысленно. Зато совершенно недвусмысленен термин “народы, входящие ныне в состав СССР”. Здесь явно подразумевается не народ, как этническая единица, которая естественно не может “входить в состав” государственного образования, а “народ”, как синоним страны. Впрочем, с подобными “каучуковыми” терминами и формулами нам придется еще не раз встречаться при рассмотрении “предложений” Парижского блока.

Выражая готовность идти на сотрудничество с Американским Комитетом Освобождения от Большеизма, парижская семерка настаивает на фактической предварительной ликвидации уже существующего, построенного на базе непредрешенчества и последовательного народовластия Координационного Центра Антибольшевизкой Борьбы, заменяемого “действительно координационным”, по выражению меморандума, центром, созданным на новых основаниях.

Какие же это основания? Парижский блок отвечает:

1. "Все участники (нового координационного центра) должны принять к сведению факт стремления народов СССР восстановить или создать свои независимые демократические государства... Национальным представительством отдельных народов должны быть предоставлены возможности усилить антибольшевистскую борьбу, руководствуясь указанными стремлениями";

2. "Сотрудничество между отдельными национальными представительством должно базироваться на принципе координации, а не на началах общего руководства... Вся практическая деятельность сосредотачивается в отдельных национальных представительствах, из которых каждое сохраняет за собою полную независимость во всех областях своей освободительной политики";

3. "В координационном центре все национальные группы должны быть представлены на паритетных началах, по принципу Объединенных Наций";

4. "В координационном центре каждая национальная группа должна быть представлена ее подлинными представителями, а не искусственно созданными организациями".

Реальное содержание всех этих пунктов Парижского меморандума расшифровывается сравнительно легко. Это — признание "национально-государственной независимости" не-русских народов СССР. Это — признание законными их "экзильных правительств". Это — признание за предпрещенцами-самостийниками в лице "национально-политических центров (экзильных правительств)" монопольного права на представительство данного народа. Это — предоставление в "действительно координационном центре" представительству "русского народа" (великороссам) одного голоса — на равных основаниях со всеми другими большими, средними и малыми национальностями. Это, одним словом, — не что иное, как превращение "борьбы с большевизмом" в планомерное расчленение России!

Я очень прошу читателей хорошо запомнить приведенные выше пункты Парижского меморандума, ибо они красною нитью — с несущественными видоизменениями — проходят через все дальнейшие предложения и "компромиссные формулы" Парижского блока. Так, когда 31-го мая с. г. в Тегернзее состоялось, по настоятельному желанию Американского Комитета, первое частное совещание между организациями, входившими тогда в КЦАБ, и организациями, подписавшими Парижский меморандум, последним было сделано следующее заявление, как основа для переговоров о вхождении Парижского блока в Координационный Центр:

"Представители национальных групп, подписавших Парижский меморандум, выражают свое искреннее желание найти такие формы сотрудничества в общем антибольшевистском фронте, которые позволили бы представителям всех народов СССР включиться в систему работы Американского Комитета Освобождения от Большевизма путем вхождения в общий Координационный Центр. С нашей стороны, мы считаем, что формы сотрудничества должны быть построены на следующих основах:

1. Каждая национальная группа, входящая в общий фронт координации, должна взять на себя обязательство уважать национально-освободительные идеалы своих партнеров и лояльно относиться к ним. Все участники должны принять к сведению факт стремления народов СССР восстановить или создать свои независимые демократические государства; они должны толерантно относиться к этим стремлениям. В соответствии с этим национальным представительствам отдельных народов должны быть предоставлены возможности усилить антибольшевистскую борьбу, руководясь указанными стремлениями.
2. Вся практическая деятельность сосредотачивается в отдельных национальных группах, из коих каждая сохраняет за собой полную свободу во всех областях своей политики.
3. Центр построен на базе координации, исключаящей всякое центральное руководство и доминацию одной национальной группы над другой. Центр действует в силу этого принципа, т. е. полного равноправия партнеров; принцип этот осуществляется путем решения всех вопросов согласованием, т. е. в порядке соглашения."

Достаточно сравнить эти три пункта с четырьмя пунктами Парижского меморандума, чтобы убедиться, что они по содержанию своему тождественны. В то же время — и это весьма существенно — предложения Парижского блока стояли в явном противоречии к основному принципу Статута Координационного Центра Антибольшевистской Борьбы. Это обстоятельство было с достаточной ясностью выражено в ответе КЦАБ на заявление национальных групп, подписавших меморандум. Он гласил:

"Организации, объединившиеся в Координационном Центре, стоя на базе его Статута.... заявляют о своей готовности вести переговоры о совместной работе с организациями, подписавшими Меморандум от 31 марта 53 года".

Я снова опускаю подробности всех "закулисных" разговоров и переговоров. Я сознательно оставляю в стороне и происшедший в это время откол трех организаций (Лига, Тюркели и СКАНО) от Координационного Центра после того, как Грузинский Национальный Совет и Азербайджанский Комитет Национального Объединения сами вывели себя из состава КЦАБ, фактически и формально присоединившись к Парижскому блоку. Коротко говоря, переговоры с организациями, подписавшими Парижский меморандум, были перенесены в Мюнхен. Была создана смешанная согласительная комиссия, построенная по принципу "треугольника": 6 представителей от организаций Парижского блока, 4 представителя от Координационного Центра (А. Ф. Керенский, Г. П. Антонов, А. П. Михайловский и д-р Г. А. Сааруни) и 4 представителя от организаций, отколовшихся от КЦАБ (В. П. Николаевский, В. Ф. Бутенко, Э. П. Хадаров и д-р Амая Верды-Мурад). Комиссия эта носила характер частного совещания и никаких окончательных решений выносить не могла.

Не успела смешанная комиссия, однако, приступить к своей работе, как организации Парижского блока уже поставили на обсуждение свой проект "Статута Международного Антибольшевистского Координационного Центра", который должен был по их замыслу заменить собою Статут БЦАВ от 16-го октября 52 года (полный текст последнего напечатан в "Российском Демократе", № 1, 53 г., и к нему я отсылаю читателей для дальнейших сравнений текстов). Проект "Статута", предложенный Парижским блоком, гласил:

"РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. — ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Международный Центр создается для координации активной борьбы, направленной к ликвидации антинародной коммунистической диктатуры, т. е. для борьбы, которая откроет путь к освобождению народов, входящих ныне в состав СССР, и к установлению в их странах демократического строя, отвечающего чаяниям этих народов.

Международный Центр является органом для согласования действий в борьбе против большевизма. Он основывается на широкой политической базе: национальная эмиграция всех народов СССР должна быть, по возможности, представлена в этом Центре.

Б участие в Международном Центре не допускаются группировки, стремящиеся к реставрации дореволюционного положения и к установлению той или иной тоталитарной диктатуры, а также отрицающие принцип свободы и права народов располагать своей судьбой.

Участники Центра берут на себя обязательство уважать национально-освободительные идеалы своих партнеров и лояльно относиться к ним. Они принимают к сведению факт стремления народов СССР восстановить или создать свои независимые демократические государства и толерантно относятся к нему. В соответствии с этим отдельным национальным группам предоставляется возможность усилить антибольшевистскую борьбу, руководясь указанными стремлениями.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. — СТРУКТУРА И ЗАДАНИЯ М. К. Ц.

1. МКЦ состоит из национальных групп народов, входящих ныне в состав СССР. Состав отдельных национальных групп является их внутренним вопросом, при чем каждая национальная группа может состоять из одной или нескольких политических организаций. Национальные группы доводят до сведения Центра о своем составе и о происшедших переменах в нем.

2. МКЦ действует на основании принципа координации.

3. Вся практическая работа по освободительной борьбе сосредотачивается в отдельных национальных группах, из коих каждая сохраняет за собою полную свободу во всех областях своей политики. Например, национальные группы устанавливают программу и тактику борьбы против большевизма соответственно специфическим усло-

11

виям их стран и разрабатывают вопросы практической работы, а также организуют технический аппарат для ведения освободительной пропаганды среди данного народа, при чем этот аппарат полностью подчинен данной национальной группе и действует согласно с ее указаниями.

4. Общими заданиями МКЦ являются:

- а) Разработка общих начал психологической борьбы и антибольшевицкой пропаганды;
- б) согласование действий, выработанных отдельными национальными группами, входящими в МКЦ;
- в) установление солидарности, взаимного повиновения и лояльного сотрудничества между отдельными национальными группами, входящими в МКЦ;
- г) прием в состав Центра новых национальных групп.

5. Органом, посредством которого МКЦ ведет свою работу, является Общее Совещание, организующее Секретариат и, в случае надобности, комиссии для ведения текущей, технической работы.

Общее Совещание состоит из представителей национальных групп. На нем председательствуют по очереди, в алфавитном порядке, представители национальных групп.

Все вопросы, входящие в круг заданий МКЦ, разрешаются на Общем Совещании в порядке соглашения.

6. Для покрытия общих издержек (расходы по созыву Общих Совещаний, содержание Секретариата, комиссий и прочее) составляется общий бюджет.

Каждая национальная группа имеет полную бюджетную автономию".

Даже при самом поверхностном сравнении этого проекта с текстом Статута КЦАВ от 16-го октября 1952 г., становится очевидным, что это — принципиально *новый* статут нового координационного органа, ничего общего не имеющего с существующим Координационным Центром. В рамках смешанной согласительной комиссии на мою долю выпало составление и оглашение ответа четырех организаций КЦАВ на проект организаций, подписавших Парижский меморандум. Позволяю себе привести здесь этот ответ полностью:

"Организации, входящие в Координационный Центр Антибольшевицкой Борьбы, связаны Статутом последнего, подписанным ими 16-го октября 52 года и явившимся — о чем не следует забывать — результатом длительных переговоров между российскими и национальными группами антикоммунистической эмиграции. В основу Статута КЦАВ легла вполне определенная концепция эффективного преодоления мирового коммунизма, как системы духовного, национального, политического, хозяйственного и социального порабощения всех народов, населяющих ныне территорию Советского Союза, но и как реальной угрозы всему свободному миру. Учитывая историческое прошлое России и отвергая, в силу этого, всякую попытку реставрации дореволюционного строя в стране, Статут Координационного Центра учитывает и всю совокупность современного положе-

ния в СССР, со всею решительностью отмечая любые стремления к установлению той или иной формы тоталитарной диктатуры. Он исходит из предпосылки, что антинародная коммунистическая диктатура в одинаковой степени угнетает все народы нашей Родины. Отсюда — его стремление *объединить* эти народы в общем деле освободительной борьбы против большевизма. Являясь сознательным выразителем идеи *всенародной* борьбы против коммунистической диктатуры с одной стороны, и не менее сознательным поборником естественного права *каждого* народа на свободу и самоопределение с другой, — Координационный Центр ставит себе целью создание после уничтожения большевизма на всей территории нынешнего СССР, таких условий, при которых было бы обеспечено *проведение принципа последовательного народовластия* и право народов — *свободно, на основе свободного волеизъявления, определить свою судьбу*. Последовательное осуществление принципа народовластия находит свое логическое выражение в начале *непредрешенчества*, на котором и построен Статут КЦАБ.

Предлагаемый организациями так называемого “Парижского блока” проект “Статута Межнационального Антибольшевизмского Координационного Центра” представляет собою якобы ряд “поправок” к *действующему* ныне Статуту Координационного Центра, не меняющих существа последнего и не нарушающих положенных в основу его принципиальных установок. Однако, при ближайшем рассмотрении текста проекта, не трудно убедиться, что это не так. Если, например, первое из общих положений Статута КЦАБ (Раздел первый) с самого начала исходит из принципа последовательного непредрешенчества, то соответствующее положение проекта “Парижского блока” уже с самого начала становится на *предрешенческую* позицию, заменяя термин “территория” вполне определенным понятием отдельных “стран”. Указанная тенденция “Парижского блока” не менее отчетливо выступает и в последующих пунктах. Так пункт 2-ой “Общих положений” в Статуте КЦАБ гласит:

“Координационный Центр является органом согласования действий в борьбе *против коммунистической диктатуры*. Он основывается на широкой политической базе: *демократические эмиграции всех народов, населяющих территорию Советского Союза*, должны быть, по возможности, представлены в этом Центре”.

Тот же пункт в редакции проекта, предлагаемого “Парижским блоком”:

“Межнациональный Центр является органом для согласования действий в борьбе *против большевизма*. Он основывается на широкой политической базе: *национальная эмиграция всех народов СССР* должна быть, по возможности, представлена в этом Центре”.

“Поправки”, как-будто бы, не существенны. Но они допускают ограничительное предрешенческое толкование. При сравнении же текстов пункта 3-го “Общих положений” в Статуте Координационного Центра и в проекте “Парижского блока” предрешенческая тенденция последнего ярко выступает наружу. В Статуте КЦАБ мы читаем:

12

“К участию в Координационном Центре не допускаются группировки, стремящиеся к реставрации дореволюционного строя и к установлению той или иной формы тоталитарной диктатуры, а также ведущие пропаганду национальной ненависти или отрицающие принцип народного волеизъявления в решении национального вопроса”.

Соответствующий пункт в редакции проекта “Парижского блока” гласит:

“К участию в Межнациональном Центре не допускаются группировки, стремящиеся к реставрации дореволюционного положения (?) и к установлению той или иной тоталитарной диктатуры, а также отрицающие принцип свободы и права народов располагать своей судьбой”.

Итак, слова “ведущие пропаганду национальной ненависти или отрицающие принцип народного волеизъявления в решении национального вопроса” вообще исчезли из текста проекта, предлагаемого “Парижским блоком”. Между тем, для нас именно эти принципиально важны, являясь *непрерывной* предпосылкой для сотрудничества российских и национальных организаций: без отказа от пропаганды национальной ненависти, без взаимного признания принципа народного волеизъявления в решении национального вопроса никакое действительное и действенное сотрудничество, никакая координация антибольшевистской борьбы немыслимы. Мы обязаны сказать это решительно и определенно, тем более, что организации “Парижского блока” сочли необходимым дополнить “Общие положения” Статута следующим чрезвычайно показательным тезисом:

“Участники Центра берут на себя обязательство уважать национально-освободительные идеалы своих партнеров и лояльно относиться к ним. Они принимают к сведению факт стремления народов СССР восстановить или создать свои независимые демократические государства и толерантно относиться к нему. В соответствии с этим, отдельным национальным группам предоставляется возможность усилить антибольшевистскую борьбу, руководясь указанными стремлениями”.

О положении этом можно было бы, с известными ограничениями и уточнениями, говорить в рамках взаимной координации, если бы в нем, кроме сказанного, содержалось примерно и следующее:

“Одновременно все участники Центра принимают к сведению факт стремления народов России к сохранению обусловленного общностью исторической судьбы государственного единства нынешней территории СССР в виде устанавливаемой актом народного волеизъявления Федерации”.

Тогда принимаемое участниками Центра обязательство не было бы *односторонним* и не базировалось бы на предварительном признании только одной крайней и, по меньшей мере, спорной концепции. Это — по существу. Формально же положение проекта “Парижского блока” в корне противоречит примечанию 3-му к пункту 3-му Раздела второго Статута КЦАБ, где сказано:

“Координационный Центр является органом борьбы за освобо-

ждение народов, населяющих территорию Советского Союза, но не всеобщим объединением эмиграции. *Входящие в этот Центр российские организации не рассматривают себя в качестве зародыша будущего российского правительства. В равной мере и национальные организации не рассматривают себя в качестве представителей национальных государственных образований*".

Стоя непоколебимо на базе принятого нами и подписанного 16-го октября 52 года Статута Координационного Центра, мы со всею категоричностью заявляем, что положенный в его основу принцип *непредрешенчества* был, есть и остается неперменным условием нашего участия в Центре.

Одновременно мы вынуждены констатировать, что проект Статута, предлагаемый "Парижским блоком", целиком игнорирует Раздел второй — "Политическая платформа" — и почти весь Раздел третий — "Организационные основы" — действующего ныне Статута КЦАБ, заменяя их принципиально иным, новым Разделом вторым — "Структура и задания МКЦ", — основные пункты которого ни по духу, ни по конкретному своему содержанию для нас не приемлемы.

Так, пункт 1-ый Раздела второго проекта гласит:

"МКЦ состоит из национальных групп народов, входящих ныне в состав СССР. *Состав отдельных национальных групп является их внутренним делом, при чем каждая национальная группа может состоять из одной или нескольких политических организаций. Национальные группы доводят до сведения Центра о своем составе и о происшедших переменах в нем*".

Уже не говоря о том, что пункт этот никак не соответствует ни духу, ни букве Статута КЦАБ, он явно устанавливает монополию и доминирование так называемых "квалифицированных" организаций "Парижского блока" в национальном секторе Центра, превращающегося, по пункту 5-му Раздела второго проекта, в некий *совещательный орган при национальных группах* ("Общее Совещание"). Это именуется в пресекте "принципом координации" (Раздел второй, §2).

"*Вся практическая работа по освободительной борьбе сосредотачивается в отдельных национальных группах, из коих каждая сохраняет за собою полную свободу во всех областях своей политики. Например, национальные группы устанавливают программу и тактику борьбы против большевизма соответственно специфическим условиям их стран и разрабатывают вопросы практической работы, а также организуют технический аппарат для ведения освободительной пропаганды среди данного народа, при чем этот аппарат полностью подчинен данной национальной группе и действует согласно ее указаниям*" (Разд. второй, §3).

...*органом, посредством которого МКЦ ведет свою работу, является Общее Совещание, организующее Секретариат и в случае необходимости комиссии для ведения текущей технической работы.*

Общее Совещание состоит из представителей национальных групп. На нем председательствуют по очереди, в алфавитном порядке, представители национальных групп.

Все вопросы, входящие в круг заданий МКЦ, разрешаются на Общем Совещании в порядке соглашения” (Разд. второй, §5).

...“Каждая национальная группа имеет полную бюджетную автономию” (Разд. второй, §6).

Вся внешняя структура Координационного Центра сводится, таким образом, на-нет. Снова обходным путем выдвигается организационный принцип ООН, от которого в свое время группы, подписавшие Парижский меморандум, кажется, отказались.

Не следует создавать себе никаких иллюзий: проект Статута, предлагаемый нам под видом “поправок” организациями “Парижского блока”, находится в неразрешимом конфликте с основными положениями Статута КЦАВ, — как с точки зрения исходной идейно-политической концепции, так и в смысле организационной структуры Центра. С точки же зрения активной антибольшевицкой борьбы, он ведет по существу не к расширению, а к сужению и раздроблению широкого освободительного фронта против коммунизма на множество локальных фронтов, слабо связанных между собою организационно, взаимно чуждых и не руководимых ни общей идеей и планом борьбы, ни общим организующим Центром. Подмена большой и общей концепции антибольшевицкой борьбы частной и, в значительной мере, спорной задачей “национально-освободительной” концепции “Парижского блока”, при том в ее узко-самостийнической интерпретации, ставит под вопрос самое дело *успешной* борьбы с коммунизмом. Ибо трудно себе представить, что можно успешно бороться с коммунизмом не общим действием всех объединенных антикоммунистических сил, а сепаратными “акциями”, легко могущими вступить друг с другом в конфликт. Создавать Центр, как более или менее случайное, а то и произвольное склепление самостоятельно действующих, ничем между собою по существу не связанных “национальных групп” — это задача не только не благодарная, но в деле преодоления коммунизма и бесполезная, чтобы не сказать — вредная. Предлагаемая же проектом “Парижского блока” организационная структура уничтожает, как всякие практические возможности эффективной антибольшевицкой борьбы, так и принятие Центром в целом каких-либо конструктивных решений. Являясь убежденными сторонниками *координации* действий на основе взаимного соглашения, мы однако никак не можем согласиться с лишением Центра права принятия ответственных решений квалифицированным большинством голосов, если того требует обстановка *реальной* борьбы с большевизмом. В этом смысле Центр *должен* быть руководящим органом. Автономия входящих в него организаций не может быть чем-то абсолютным и безусловным.

Мы далеки от мысли отвергать так называемую “национально-освободительную” концепцию антибольшевицкой борьбы целиком и огульно. Право каждого народа на самоопределение признается всеми организациями, входящими в КЦАВ, — российскими и национальными. Но *реализация* этого права должна осуществляться на основе демократических принципов, — после окончательного свержения большевизма и не иначе, как актом свободного народного волеизъяв-

ления. В силу этого, ни одной российской, но и ни одной национальной группе или организации не принадлежит монопольное право представительства всех многообразных и подчас противоречивых политических течений внутри данного народа. Весь политический спектр *демократической* эмиграции, российской и национальной, имеет право быть представленным в Центре. В частности, это относится к национальным группировкам, не стоящим в отношении России на базе полной национально-государственной независимости и суверенности: до решения тем или иным народом своей будущей судьбы в акте свободного волеизъявления, никакая монополия “самостийнических” течений в национальном секторе, никакое доминирование их над федералистами или конфедералистами, для нас не приемлемы. Принцип последовательного *непредрешенчества*, положенный в основу Статута Координационного Центра, является неременным условием для создания *широкого и единого фронта антибольшевизской борьбы*. На этом принципе зиждется и сотрудничество КЦАБ с Американским Комитетом, которое возможно только потому, что ни Американский Комитет, ни даже правительство Соединенных Штатов, никогда не признавали государственной независимости ни одного из народов, представители которых объединены ныне в “Парижском блоке” и со своей стороны пытаются навязать нам свою *предрешенческую* концепцию национального вопроса. Российские организации готовы искренне уважать национально-политические убеждения представителей не-русских народов, населяющих ныне территорию СССР, но мы требуем и от них такого же уважения к *нашим* национально-политическим взглядам и чаяниям. Одно для нас неоспоримо: *свою судьбу каждый народ может и должен решить сам*, — после окончательного уничтожения большевизма. Мы этому решению подчинимся, даже если оно не будет соответствовать *нашим* желаниям и надеждам. Но и представители национальных групп, стоящие на основе полной государственной независимости данного народа, обязаны подчиниться решению последнего, каким бы оно ни было: в пользу отделения от России или в пользу федерации с ней. Здесь же, в эмиграции, все течения демократической мысли равноправны: и самостийники, и федералисты, и автономисты. За кем из них пойдет народ — покажет будущее. Но никто не в праве навязывать ему отсюда *свою* волю, выдавая ее за народную. Это должно быть сказано четко и недвусмысленно.

Предлагаемые “Парижским блоком” “поправки” к Статуту Координационного Центра всем этим требованиям элементарного демократизма не отвечают. Проект “Статута Межнационального Антибольшевизского Координационного Центра” ни по духу, ни по существу, ни по букве не соответствует Статуту КЦАБ. Это — *принципиально* другой, новый Статут, ничего общего со Статутом Координационного Центра не имеющий. Межнациональный Антибольшевизский Координационный Центр — это *принципиально* другой, новый центр, ничего общего с Координационным Центром Антибольшевизской Борьбы, в котором мы состоим, не имеющий. В основу того и другого

положены существенно разные концепции, логически, юридически и политически между собою не совместимые, взаимно одна другую исключают. Найти между ними компромисс практически невозможно, если не встать на путь вынужденного механического объединения, которое неизбежно приведет в конечном итоге к внутренним конфликтам и парализованию всякой эффективной борьбы с коммунизмом.

Вывод из всего сказанного только один: мы надеемся, что организации "Парижского блока" найдут возможным отказаться, во имя создания общего антикоммунистического фронта, от своей концепции и присоединиться к Координационному Центру, приняв все основные — принципиальные и организационные — положения существующего Статута от 16-го октября 52 года. О тех или иных *частных* изменениях в Статуте, не нарушающих его принципиальной сущности, можно будет тогда говорить".

Документ этот должного впечатления не произвел — ни на представителей Парижского блока, ни на группу г. Николаевского. Смешанная согласительная комиссия перешла к поштатейному обсуждению Статута Координационного Центра Антибольшевицкой Борьбы от 16-го октября 52 г. и "поправок" к нему со стороны организаций, подписавших Парижский меморандум. Вся работа комиссии свелась к диалектическим спорам по отдельным пунктам Статута, но ни эрудиция, ни железная логика аргументов А. Ф. Керенского, на которого легла вся тяжесть диспута с ораторами противной стороны, не оказали ни малейшего воздействия на твердость предрешенческо-самостийнической позиции Парижского блока. Логике противопоставлялась демагогия или диалектика гнилых компромиссов, неизменно сводившихся к тому или иному перемену основных мелодий Парижского меморандума. Председатель Лиги, г. Николаевский, хотя и вносил — для стенограммы — некоторый диссонанс в унисон парижского хора "экзильных правительств", но, в конечном итоге, довольно быстро попадал им в тон.

В результате — для представителей КЦАБ в смешанной согласительной комиссии оставался только один выход — заявление "Организациям так называемого Парижского блока", оглашенное 15-го июня с. г. в заседании комиссии Г. И. Антоновым и переданное в письменной форме группам, подписавшим Парижский меморандум. Привожу дословный текст заявления:

"Длительные переговоры в смешанной комиссии показали, что группировки так называемого Парижского блока ни в одном из своих предложений не сошли с принципиальных позиций подписанного ими 31-го марта с. г. в Париже меморандума. Позиции эти находятся в резком противоречии с началами, положенными в основу Статута Координационного Центра Антибольшевицкой Борьбы, который вполне гарантирует право каждого народа на самоопределение, вплоть до установления демократическим путем полной государственной независимости.

В силу этого мы вынуждены настаивать, чтобы организации

Парижского блока ясно и недвусмысленно ответили, принимают ли они следующие основные положения:

1. ПРИЗНАВАЯ БЕЗУСЛОВНОЕ ПРАВО КАЖДОГО НАРОДА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ, УСТАНАВЛИВАЕТСЯ, ЧТО РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТОГО ПРАВА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ АКТОМ СВОБОДНОГО НАРОДНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ СССР.

2. ПРИЗНАЕТСЯ ПРАВО НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В КООРДИНАЦИОННОМ ЦЕНТРЕ ВСЕХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ И НАПРАВЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВНУТРИ КАЖДОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИИ, НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, СТОЯТ ЛИ ОНИ НА ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ДАННОГО НАРОДА, ЛИБО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА С РУССКИМ НАРОДОМ В ФОРМЕ ФЕДЕРАЦИИ ИЛИ КОНФЕДЕРАЦИИ.

Не приняв этих исходных положений, организации Парижского блока сделают всякое сотрудничество с ними в рамках Координационного Центра невозможным и дальнейшие переговоры бесполезными".

Организации Парижского блока это заявление оставили без ответа. Тогда гг. Антонов (СБОНР), Керенский (РНД), Михайловский (СБСР) и Сааруви (Армянское Объединение Борцов за Свободу) отказались от дальнейшего участия в работах смешанной согласительной комиссии. Комиссия продолжала действовать и разработала, вместо Статута КЦАБ, *новый* статут "Международного Антибольшевицкого Координационного Центра", *единогласно* ею принятый, т. е. принятый и обоими представителями Лиги Борьбы за Народную Свободу гг. Б. И. Николаевским и В. Ф. Бутенко. Статут этот лежит передо мною, и я постараюсь разобрать его по пунктам, сравнивая их с соответственными положениями Статута КЦАБ от 16-го октября 52 года, — занятие, сознаюсь, мало веселое, но, к сожалению, необходимое и весьма поучительное.

Пункт 1-ый Раздела первого — "Общие положения" — Статута МАКЦ гласит:

"МАКЦ создается для организации и координации *антибольшевицкой работы*, направленной на *подготовку* ликвидации антинародной коммунистической диктатуры, т. е. *работы*, которая откроет путь к освобождению *всех* народов, населяющих территорию современного СССР, и к установлению демократического строя, отвечающего чаяниям этих народов".

Соответствующий пункт Статута КЦАБ звучит так:

"Координационный Центр создается для организации *активной борьбы*, направленной к *ликвидации* антинародной коммунистической диктатуры, т. е. для *борьбы*, которая откроет путь к освобождению народов, населяющих территорию современного СССР, и к установлению *на этой территории* демократического строя, отвечающего чаяниям этих народов".

Итак, *новый* Центр создается не для "организации активной борьбы", а для "организации и координации антибольшевицкой работы". Его задача — не "ликвидация антинародной коммунистиче-

своей диктатуры”, а лишь “подготовка” такой ликвидации. “Установление демократического строя, отвечающего чаяниям”... “народов, населяющих территорию современного СССР”, повидимому, не должно иметь места “на этой территории”. *Зачем, спрашивается, смешанной согласительной комиссии понадобилось изменять Статут КЦАВ в таком смысле?*

Ответ напрашивается сам собою: как можно меньше ясности и как можно больше двусмысленных формулировок, допускающих их толкование в духе предрешенческо-самостийническом.

Пункт 2-ой того же Раздела в Статуте МАКЦ:

“МАКЦ строится на широкой политической базе: демократические эмиграции *всех народов Советского Союза* должны быть, по возможности, представлены в этом Центре”.

Соответствующий пункт Статута КЦАВ:

“Координационный Центр является органом согласования действий в борьбе против коммунистической диктатуры. Он основывается на широкой политической базе: демократические эмиграции *всех народов, населяющих территорию Советского Союза*, должны быть, по возможности, представлены в этом центре”.

Здесь показательно исключение слов: “Координационный Центр является органом согласования действий в борьбе против коммунистической диктатуры”. Организации Парижского блока *против* действительного “согласования действий”, и положения Статута МАКЦ, касающиеся “организационных принципов” (Раздел третий), как мы дальше увидим, с достаточною ясностью об этом свидетельствуют.

Пункт 3-ий Раздела первого в Статуте МАКЦ гласит:

“К участию в МАКЦ не допускаются группировки, стремящиеся к реставрации дореволюционного строя и к установлению той или иной формы тоталитарной диктатуры *или к ограничению права народов располагать своей судьбой*, а также те группировки, которые ведут пропаганду национальной ненависти или стремятся к разрешению национального вопроса, не считаясь с волей своих народов”.

Сравним этот пункт с соответствующим положением Статута КЦАВ:

“К участию в Координационном Центре не допускаются группировки, стремящиеся к реставрации дореволюционного строя и к установлению той или иной формы тоталитарной диктатуры, а также ведущие пропаганду национальной ненависти или отрицающие принцип народного волеизъявления в решении национального вопроса”.

Принципиальное расхождение между обоими пунктами глубоко и существенно. Формула “не считаясь с волей своих народов” растяжима и никак не тождественна с признанием “принципа народного волеизъявления в решении национального вопроса”: прения в смешанной комиссии и многочисленные статьи на эту тему в печати предрешенцев-самостийников показывают, что требование будущего — после крушения большевизма — народного волеизъявления именно и квалифицируется, как “ограничение права народов располагать своей судьбой” (что они *яко-бы уже* сделали). По точной букве

Статута МАКЦ при соответственном его толковании предрешенцами-самостийниками группы, настаивающие на будущем народном волеизъявлении... "к участию в МАКЦ не допускаются".

Два следующих пункта "Общих положений" в Статуте МАКЦ представляют собою *нововведения*, по сравнению со Статутом КЦАБ. Они гласят:

"Исходя из принципа о праве каждого народа свободно располагать своей судьбой и констатируя, что главной задачей МАКЦ является борьба за свержение коммунистической диктатуры, участники Центра, имеющие различные взгляды на способы решения национального вопроса среди народов современного СССР, сохраняют за собой право защищать эти свои различные взгляды, взаимно принимая обязательство толерантно относиться к взглядам своих партнеров".

"МАКЦ является органом борьбы за свободу народов, населяющих территорию Советского Союза, но не всеобщим объединением эмиграции. Организации, входящие в этот Центр, не рассматривают себя в качестве зародышей *будущих* государственных органов. В соответствии с этим привлечение в состав Центра тех или иных новых организаций обусловливается признанием ими указанного выше принципа".

Первое положение (пункт 4-ый) является, с небольшими стилистическими изменениями, ничем иным, как пресловутым компромиссным "синтезом" гг. Николаевского и Ливицкого, о котором говорилось выше. Возвращаться к нему я поэтому не буду.

За то второе положение (пункт 5-ый "Общих положений" в Статуте МАКЦ) лобопытно во многих отношениях. Оно представляет собою — юридически не вполне грамотную — перефразировку примечания 3-го к пункту 3-му Раздела второго — "Политическая платформа" — Статута Координационного Центра Антибольшевистской Борьбы, а именно:

"Координационный Центр является органом борьбы за свободу народов, населяющих территорию Советского Союза, но не всеобщим объединением эмиграции. Входящие в этот центр российские организации не рассматривают себя в качестве зародыша будущего российского правительства. В равной мере и национальные организации не рассматривают себя в качестве *представителей национальных государственных образований*".

Оставляю в стороне исключение из Статута МАКЦ параллельного упоминания российских и национальных организаций, столь обычного в Статуте КЦАБ: согласно Парижскому меморандуму, "в координационном центре все (в том числе и русская. — А. М.) национальные группы должны быть представлены на паритетных началах, по принципу Объединенных Наций". Статут МАКЦ этот принцип строго блюдет. Но дальше — это уже сплошное "счетоводительство": национальные группы Парижского блока не рассматривают себя "в качестве зародышей *будущих* государственных органов", но претендуют в *нас* *о* *я* *щ* *е* время на роль национальных "экзильных правительств". Право, не следует считать нас настолько наивными, чтобы

мы могли принять по существу за одно и то же — цитированное выше положение Статута МАКЦ и примечание в Статуте КЦАБ. Между ними — ни по духу, ни по содержанию — нет ничего общего. Зачем, спрашивается, весь этот обман и... самообман?

Раздел второй — “Политическая платформа” — Статута МАКЦ включает в себя почти все соответствующие пункты Статута КЦАБ — и, за редкими исключениями, в той же формулировке. Однако, именно эти исключения существенны и принципиально важны. Так, § 2-ой в Разделе втором Статута КЦАБ гласит:

“Проведение принципа последовательного народовластия — в России впервые провозглашенного Февральской Революцией — как главного условия против попыток реставрации абсолютизма или утверждения диктатуры в том или ином виде”.

В Статуте МАКЦ этот пункт подвергся ампутации:

“Проведение принципа последовательного народовластия”. Точка! В Статуте МАКЦ нет места упоминанию о Февральской Революции, но — что главное — не смеет упоминаться имя России.

Пункт 3-ий того же Раздела в Статуте КЦАБ совсем исчез из Статута МАКЦ. Спрашивается: почему? Достаточно прочесть его, чтобы сразу же понять, что этот вопрос излишен. Приведу его текст:

“Признание за всеми народами, населяющими территорию Советского Союза, безусловного права свободно, на основе демократического волеизъявления, определить свою судьбу, а также реальное обеспечение этого права на самоопределение”.

Не может Парижский блок “переварить” принцип свободного демократического волеизъявления! Как это ни странно звучит, но факты говорят сами за себя.

Раздел третий Статута МАКЦ — “Организационные принципы” — ни в одном пункте не совпадает с соответствующим Разделом третьим Статута КЦАБ. Привожу дословный текст:

“В основу построения Центра кладутся следующие принципы:

1. Равноправие и автономия в работе всех групп, входящих в состав Центра.

2. Принцип координации, а не центрального руководства.

2. Согласование в решении общих вопросов.

Общими задачами Центра являются:

а) разработка общих начал психологической борьбы и антибольшевицкой пропаганды,

б) согласование действий, выработанных отдельными национальными группами, входящими в состав Центра,

в) установление солидарности, взаимного понимания и лояльного сотрудничества между отдельными национальными группами Центра.

Для выработки плана работы и функционирования Центра создается Временный Организационный Комитет, который работает на основе принципа согласования”.

Итак, одно, во всяком случае, очевидно: организации Парижского блока, совместно с отколовшимися во главе с Лигою от КЦАБ

группами, уже похоронили и самый Координационный Центр Антибольшевицкой Борьбы и его Статут. "Временный Организационный Комитет", создаваемый на базе Статута МАКЦ, готов вступить во владение политическим и моральным наследством БЦАБ, и к тому есть только одно единственное препятствие: "покойник" жив и *умирать не собирается*. Кризис БЦАБ, искусственно вызванный сателлитами Парижского блока, доказал жизнеспособность Координационного Центра, жизнеспособность и практическую оправданность его Статута. Он изжит. Всецело оправдалась и точка зрения Союза Борьбы за Свободу России на *незыблемость* Статута БЦАБ, — по меньшей мере, до окончательной консолидации Координационного Центра.

Что же касается Парижского блока и его сателлитов, то анализ всего изложенного выше фактического и документального материала не оставляет никакого сомнения, что со стороны организаций, подписавших Парижский меморандум, сделана — *попытка подменить Координационный Центр Антибольшевицкой Борьбы* принципиально другим, новым "Международным Антибольшевицким Координационным Центром", заменить Статут БЦАБ принципиально другим, новым Статутом МАКЦ. Совершенно очевидно далее, что эти организации упорно стремятся изъять из концепции антибольшевицкой борьбы малейший намек на принцип *непредрешенчества*, основанный на примате начала *последовательного народовластия*, а следовательно — и принципа *свободного народного волеизъявления* в решении всех вопросов государственного бытия, т. е. в частности — и в решении *национального вопроса*. Парижский блок отвергает не только Всероссийское Учредительное Собрание. Он отвергает и плебисцит и национальные учредительные собрания. В лучшем случае — он готов пойти на выборы в народные представительства, проводимые уже существующими и импортированными из-за границы "законными правительствами" — для "подтверждения" правомочности последних. В этом отношении особенно показательны не столько собственные — двусмысленные и "каучуковые" — формулировки тех или иных положений со стороны Парижского блока, сколько "поправки" к Статуту Координационного Центра и "изъятия" из него, предлагаемые организациями, подписавшими меморандум от 31-го марта 53 года.

Далее. Парижский блок и его отколовшиеся от БЦАБ сателлиты никак не могут примириться с тем, что в среде каждой национальной эмиграции есть многообразный спектр течений и оттенков политической мысли, — есть и самостийники-предрешенцы, и самостийники-непредрешенцы, и федералисты, и кофедералисты, и автономисты. *Все* они имеют *равное право* отражать настроения своего народа, и *никто* из них не вправе притязать на *монопольное* представительство данной народности.

Наконец, попытка организаций Парижского блока свести функцию согласования действий в общей антибольшевицкой борьбе — и, тем самым, *руководящее* начало в освободительном фронте — к созданию некоего совещательного органа при национальных организа-

17

циях, из которых каждая ведет свою собственную независимую политику и пропаганду, — это попытка с негодными средствами. Она привела бы неминуемо к катастрофическим результатам, благоприятным, в конечном итоге, лишь для коммунистической диктатуры.

Мне пришлось, по смыслу темы и характера статьи заниматься преимущественно “формальностями”. Но за этими “формальностями” кроются политические *реальности*, пройти мимо которых ни Координационный Центр, ни наш Союз не могут. Реальность Парижского блока и установление возможности сотрудничества с ним в деле антибольшевицкой борьбы со стороны КЦАБ — это лишь *часть* стоящей перед нами большой проблемы, и притом *часть второстепенная*. Стоя твердо на базе Статута КЦАБ, мы требуем от организаций, подписавших Парижский меморандум, безусловного и недвусмысленного признания принципа непредрешенчества, равноправия всех течений политической мысли внутри каждой данной национальной эмиграции и единого руководящего начала в общем фронте борьбы против коммунизма. Эти наши требования — *тоже реальность*, с которой придется считаться, как Парижскому блоку, так и Американскому Комитету Освобождения от Большевиизма.

Но и Координационный Центр Антибольшевицкой Борьбы — *не фикция*, а действительность, — в своем обновленном полном составе. Подходя к вопросу не формально, а *реально*, следует прежде всего установить, что две организации-учредительницы КЦАБ, Грузинский Национальный Совет и Азербайджанский Комитет Национального Объединения, состоят фактически в Парижском блоке и к Координационному Центру больше не принадлежат. В СКАНО и ТЮРКЕЛИ — острый кризис взаимоотношений между их формальным руководством, идущим на поводу у гг. Николаевского и Цинцадзе, и действительным настроением “масс”, т. е. рядовых членов, тянувшихся к *законному* КЦАБ. Лига Борьбы за Народную Свободу, голосовавшая в лице своих представителей гг. Николаевского и Бутенко за замену Статута КЦАБ Статутом МАКЦ, самоустранилась из Координационного Центра. Это — *реальности*, а не “формальности”. Но не в меньшей степени *реальности* и то, что

1) принятые на январском Пленуме КЦАБ четыре национальных организации (Украинский Вызвольный Рух, Объединение Украинских Федералистов-Демократов, Калмыцкий Комитет по Борьбе с Большевиизмом и Татаро-Башкирский Комитет) с 30-го апреля с. г. являются *полноправными* членами Координационного Центра; что

2) вместе с четырьмя организациями-учредительницами КЦАБ (РНД, СВОНР, СВСР и Объединение Армянских Борцов за Свободу) они реально составляют, по меньшей мере (если подходить к вопросу “формально”) квалифицированное большинство КЦАБ; что

3) названный состав КЦАБ (восемь организаций) был и полномочен и правомочен расширяться путем принятия трех новых организаций — Грузинского Демократического Союза, НТС (солидаристов) и Центрального Объединения Послевоенных Эмигрантов (“*новейших*”) и что

4) 20 июля пять отколовшихся от КЦАБ групп официально вошли в состав нового “Международного Антибольшевистского Центра” (МАБЦ) и тем самым формально вышли из КЦАБ.

Этот Координационный Центр Антибольшевистской Борьбы — в составе одиннадцати поименованных выше российских и национальных организаций, — *верный Статуту* КЦАБ от 16-го октября 52 г., — очевидная и несомненная *реальность*, — не меньшая реальность, чем (например) Американский Комитет Освобождения от Большеизма, не рискующий до сих пор из области “формальностей” и абстрактных фикций подняться до сферы *реального*.

Думаю однако, что для внесения предельной ясности необходимо напомнить всем, кому о том знать надлежит, еще об одной *реальности*, о которой — я это подчеркиваю — наш Союз никогда не забывал. Реальность эта — *Россия, которая была, есть и будет*, — независимо от Парижского меморандума, независимо от организаций, его подписавших, независимо от иноземных инстанций, по тем или иным соображениям *эту* реальность в данный момент игнорирующих. России и русскому народу — это не впервые. Не раз приходилось дорого расплачиваться за ошибки других! Но история учит, что другие, в конце концов, расплачивались за свои ошибки еще дороже.

А. Михайловский.

Судьба радиостанции „Освобождение“

Радиостанция “Освобождение” была задумана в качестве рупора многонациональной российской эмиграции, — вернее её политически организованной части в составе Координационного Центра Антибольшевистской Борьбы. Подобно Центру, радиостанция проходит сейчас через очередной кризис. Мы надеемся, что этот кризис будет преодолен. Поэтому, в своем сегодняшнем отчете российской общественности ограничимся только общей характеристикой положения.

Основные положения по управлению радиостанцией были подписаны представителями Координационного Центра и Американского Комитета 2-го января с. г., хотя подготовка к устройству радиостанции началась год тому назад. В программном отношении, пробная работа велась уже с конца прошлого года. Но разработка действительных программ началась лишь после приезда, так называемой, парижской группы, в составе которой были, в частности, будущий директор программ В. В. Вейдле и заведующий русской редакцией Н. П. Ульянов. Передачи в эфир начались 1-го марта.

Помимо русской редакции был сформирован ряд национальных редакций: азербайджанская, армянская, грузинская, северо-кавказская, туркестанская и, пока еще не посылающая в эфир своих статей, татаро-башкирская. Каждая из этих редакций, по своему составу, представляла политические организации, входящие в Координа-

ционный Центр. Главный редактор каждой национальной редакции, в том числе и русской, был, таким образом, политическим и пропагандным представителем своего народа в системе радиостанции. Роль директора программ, не принадлежащего ни к одной из политических организаций эмиграции, — заключалась в координировании программ национальных редакций и в наблюдении за строгим соблюдением этими редакциями политической платформы Координационного Центра.

Однако с самого начала практической работы русской редакции между директором программ и главным редактором обнаружилось резкое расхождение в определении содержания, оформления и общего тона русских радиопередач, а также в понимании своих прав и обязанностей. На одной стороне оказалась «пирвавшаяся на Координационный Центр русская редакция во главе с ее главным редактором, на другой — дирекция программ, усвоившая точку зрения лиц, окружавших американского радиосоветника Мананга Вильямса и частично входивших в так наз. «Контрольное Бюро», ни по своему составу, ни принципиально не могущее быть тем, чем оно, в действительности, стало, — суперредакцией над русской редакцией. Все они сконцентрировали свое исключительное внимание на одной только русской программе, — несмотря на наличие целого ряда других программ. В эфир от имени русской редакции стали передавать программы, составленные не русской редакцией, а дирекцией программы совместно с непосредственными сотрудниками американского радиосоветника. Поскольку при этом содержание и оформление этих передач не соответствовали взглядам представлявшей Координационный Центр русской редакции, ей ничего больше не оставалось, как прекратить свою работу по составлению программ.

В аналогичных с русской редакцией условиях находились также исследовательский отдел и отдел последних известий, поскольку их руководители также в серьез считали, что радиостанция «Освобождение» должна не только *говорить* от имени Координационного Центра, но и действительно *быть* органом борьбы политически организованной части эмиграции.

Такое ненормальное положение продолжалось более месяца, пока председатель Американского Комитета не дал предписания американскому радиосоветнику пойти навстречу требованиям, предъявленным С. П. Мельгуновым, в качестве председателя Союза Борьбы за Свободу России и одновременно председателя ЦВ КЦАБ-а.

После новых проволок, в начале апреля с. г. были, наконец, приняты и подписаны «временные правила», определяющие права и обязанности дирекции программ и главных редакторов. Эти правила были таковы, что позволяли вачать более или менее нормальную работу*). Контрольное Бюро в его старом составе и с его прежними функциями суперредакции было ликвидировано и его задачей, согласно протоколу, должно было быть лишь наблюдение за тем,

* Н. И. Ульянов отказался работать на Радиостанции; заместил его Н. П. Полтарацкий.

чтобы освещение международных вопросов не противоречило общей линии американской внешней политики. Сразу изменились содержание и тон русских передач: из полупилатовских они стали превращаться в революционные.

К сожалению, нормальная работа продолжалась очень недолго. Уже через две недели была сделана новая попытка захватить русскую редакцию в свои руки, путем распределения ответственности за составление всех частей русской программы между лицами, не принадлежащими к русской редакции и не связанными с организациями Координационного Центра. К тому же, наряду с русской редакцией в Мюнхене, была создана параллельная редакция в Нью-Йорке, имеющая тенденцию превратиться в нечто самодавлеющее, и не только не подчиняющаяся мюнхенской редакции, но и не состоящая с ней ни в каких прямых отношениях. Параллельные организмы были созданы на самой радиостанции и для двух других отделов, — последних известий и исследовательского.

С таким ненормальным положением вещей, можно было еще, — в виду раскола в Координационном Центре, — на время примириться. Но в начале июля программный отдел, — в который входят русская и национальные редакции, отдел последних известий и исследовательский отдел, — претерпел новые изменения. Произошло это так. Перед своей очередной поездкой в Париж председатель ЦБ КЦАБ С. П. Мельгунов настоятельно просил американского радиосоветника ничего не менять в существующей организации программного отдела, пока не выяснится вопрос о дальнейшем существовании Координационного Центра. При этом председатель ЦБ КЦАБ несколько раз подчеркнул, что в том случае, если эта просьба не будет удовлетворена, ему, по возвращении в Мюнхен, опять придется ломать все, что, в нарушение договора, будет создано в его отсутствие. Это было 3-го июля. В субботу, 4-го июля, председатель ЦБ КЦАБ уехал, а в понедельник, 6-го июля, появились письменные распоряжения за подписью радиосоветника и директора программ извещавшие о переменах в русской редакции, в отделе последних известий и в исследовательском отделе. В результате, два последних отдела перешли в руки лиц, ничего общего с Координационным Центром не имеющих.

Естественно возникает вопрос: что же дальше? Опять приезд председателя ЦБ КЦАБ и ультимативное требование восстановления хотя бы минимального порядка и законности в программном отделе радиостанции? А затем снова, — обычная цепь правонарушений?

Мы полагаем, что этой периодизации должен быть, наконец, положен предел. Со времени вступления в силу новых правил в начале апреля этого года коренным образом изменились и содержание, и тон русских радиопередач. Их необходимо непрерывно улучшать, хотя их и в теперешнем виде оценили уже представители других радиостанций свободного мира и слушатели на той стороне, чему имеется живое свидетельство. Но в организационном отношении в программ-

ном отделе необходимо произвести коренные изменения. Этих изменений хотят, правда, все заинтересованные стороны. Но каждая понимает их по своему. Могут быть три решения.

Первое решение, на котором настаивает дирекция программ, давно утратившая все политические связи с русской эмиграцией, сводится к полному отрыву радиостанции "Освобождение" от Координационного Центра и к превращению ее в голос "беспартийных" русских эмигрантов, привлекаемых к работе на радиостанции в персональном порядке и по "деловым" признакам. Если представить себе, *кто* будет приглашать, и *что* понимать под деловыми признаками, то не трудно понять, что за этим проектом кроется. Люди, не имеющие строгих национально-политических убеждений, не будут представлять ни русской эмиграции вообще, ни политически организованной ее части, ни даже самих себя.

Второе решение могло бы заключаться в том, чтобы превратить радиостанцию "Освобождение" в чисто-американскую радиостанцию, — на подобие, скажем, "Голоса Америки", — не только существующую при финансовой поддержке американцев, но и говорящую от имени и с позиций США. Работники радиостанции были бы уже не представителями российской эмиграции, — пусть даже и самозванными, как в первом случае, — а всего лишь американскими служащими.

Скажем сразу: мы не видим в этом ничего недостойного. Если-б оказалось возможным, — в чем мы сильно сомневаемся, — сохранить стиль теперешних передач, радиостанция "Освобождение", даже урезанная по первому или второму образцу, была бы, несомненно, полезным для борьбы с большевизмом учреждением. Чем больше существует таких радиостанций, тем лучше. Но вопрос не в том, нужны ли подобные радиостанции, а в том, каковы условия, при которых радиостанция "Освобождение" была бы *наиболее* эффективной в пропагандном и *политическом* отношении?

Ответ может быть только один: то третье решение, ради осуществления которого и была построена радиостанция, остается, по замыслу, единственно правильным. Радиостанция "Освобождение" должна быть орудием борьбы и рупором политически организованной части российской эмиграции в лице Координационного Центра Антибольшевицкой Борьбы. Но для этого, во-первых, сам Центр должен еще более укрепиться и, получив признание Американского Комитета, приступить к практической антикоммунистической деятельности. Во-вторых, исходя из договоров, подписанных одинаково представителями Американского Комитета и Координационного Центра, последний должен получить преобладающее положение в руководстве программным отделом радиостанции. Самый отдел необходимо коренным образом перестроить: все параллельные группы ликвидировать, ввести простую и четкую организационную структуру, и поставить во главе секций людей, облеченных доверием Координационного Центра и проводящих его линию.

Лишь тогда радиостанция "Освобождение" не только будет говорить от имени Координационного Центра, но и *действительно* станет органом борьбы, представленной в этом Центре российской и национальной эмиграций.

С. Карин.

Европейские представители Ам. Ком. сделали официальное заявление Центр. Бюро Координационного Центра, что с 1-го августа прекращается материальная помощь К. Ц. со стороны Ам. Ком. Если такое заявление означает окончательный разрыв наш с Ам. Ком., то этим определяется и ближайшая судьба радиостанции «Освобождение» — с нее должен быть снят аншлаг о том, что передачи происходят от имени Коор. Центра Антибольшевистской Борьбы.

Ред.

Обстановка в СССР

ОБСТАНОВКА В СССР

После смерти Сталина Амер. Ком. Борьбы с Большеви́змом обратился в Ц. Б. Координационного Центра с предложением дать оценку современного состояния советской власти (Ц. Б. состоит из представителей всех организаций, входящих в Коор. Центр). Ответ получился единодушный, несмотря на разность подхода у отдельных организаций. Ниже мы воспроизводим этот ответ, зафиксированный как бы в нескольких общих тезисах, поставленных Ам. Ком. Чрезвычайно знаменательно, что К. Ц. даже в его прежнем крайне разношерстном составе, при чрезвычайно обостренных внутренних взаимоотношениях, все же мог договориться в своей общей политике по отношению к большевицкой власти. Это наглядно свидетельствует о том, что К.Ц. в нынешнем своем составе в оздоровленной обстановке, создавшейся отсечением крайних секторов, имеет все шансы превратиться в действительную антибольшевицкую силу. Вместо прежнего «бедлама» в новом К. Ц. царит полное единодушие и готовность идти, действительно, общим фронтом в борьбе с врагом.

Ред.

I. ПРОИСХОДИТ ЛИ ПЕРЕСМОТР СТРАТЕГИИ ИЛИ ТОЛЬКО ТАКТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ?

Существо, конечные цели и *стратегия* коммунистической политики — как внешней, так и внутренней — остаются, по мнению ЦБ КЦАБ, *неизменными* и после смерти Сталина. Наблюдаемые ныне "изменения политического курса" КПСС и советского правительства носят *исключительно тактический* и, следовательно, *временный* характер. Не отказываясь от конечных целей коммунистической экспансии, коммунистическое руководство нуждается, тем не менее, в "передышке", до момента *собственной внутренней консолидации* и ищет перемирия (сравнительно кратковременного) с "капиталистическим окружением".

20

II. СЛЕДУЕТ ЛИ ОЖИДАТЬ ДАЛЬНЕЙШЕГО УСИЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ ИЛИ МОЖЕТ ПОСЛЕДОВАТЬ ВРЕМЕННАЯ ПАУЗА?

Для ЦБ КЦАБ представляется неизбежным положение, что агрессия и экспансия являются существенными и неустранимыми свойствами каждой тоталитарной диктатуры, отказаться от которых она по самой своей природе и сущности не может. Таким образом, "миролюбие" советского правительства объясняется не только стремлением получить необходимую ему в данный момент "передышку", но и тактическим планом коммунистического руководства — изменить на время формы и объекты коммунистической агрессии. При этом вероятно даже некоторое показное "ослабление" агрессивности, но сколько-нибудь действительная пауза в коммунистической агрессии сомнительна (так, например, наряду с переговорами в Корее развертывается коммунистическое наступление в Индокитае). По мнению ЦБ КЦАБ, коммунистическое руководство будет продолжать проведение в жизнь своей основной цели в смысле, как:

а) обострения социальных противоречий и конфликтов в "капиталистических" странах, так и

б) усиленного развертывания "революционно-освободительной" борьбы колониальных и полуколониальных народов против своих "угнетателей" ("социальная" и "колониальная" революции в коммунистическом их понимании).

"Наследники" Сталина, оставаясь верными ленинско-сталинской тактике приспособления к обстановке, сосредотачивают в настоящее время, по мнению ЦБ КЦАБ, внимание на следующих конкретных задачах:

1) Сорвать психологическое наступление свободного мира на коммунистическую диктатуру, пока она находится в состоянии внутреннего кризиса и пока ею не восстановлен полный контроль над населением поработанных коммунизмом стран;

2) Воспрепятствовать реализации планов свободного мира по созданию мощных оборонительных систем демократии против коммунистической агрессии в Европе и Азии, разлагая одновременно "капиталистическое окружение *изнутри*", как в смысле общности его антикоммунистической политики, так и в отношении социальной структуры каждой страны в отдельности.

3) Спекулируя планом "всеобщего разоружения" (фактически же сохраняя *собственную* военную мощь и укрепляя ее), поставить экономику свободных стран, вынужденную в последние годы к усиленному развитию военной промышленности, в положение немедленного перехода на "мирные рельсы", что, по расчетам коммунистического руководства, неминуемо вызвало бы рост безработицы, кризис для целого ряда предприятий в течение переходного периода и *общий хозяйственный кризис* со всеми вытекающими отсюда экономическими, социальными и политическими осложнениями и потрясениями.

III. БУДЕТ ЛИ ПАУЗА ДЛИТЕЛЬНОЙ И ПОВЛЕЧЕТ ЛИ ОНА ЗА СОБОЙ КАКОЕ ЛИБО ОТСТУПЛЕНИЕ НА ВНЕШНЕМ И ВНУТРЕННЕМ ФРОНТЕ?

Ответ на это содержится, в сущности, уже в ответе на предшествовавший второй вопрос. Продолжительность *видимой* "паузы" определяется временем, необходимым коммунистическому руководству после смерти Сталина для консолидации своей диктатуры и для подготовки новых "исходных позиций" для нападения на "капиталистический мир". *Оптический маневр* "отступления" и на внешнем и на внутреннем фронте более тем вероятен. Однако на какое-либо отступление *по существу* нынешнее коммунистическое руководство не пойдет.

IV. КАКОЙ МОЖЕТ ПОСЛЕДОВАТЬ КУРС В ОТНОШЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА, РАБОЧИХ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ПАРТИЙНЫХ И ВОЕННЫХ КРУГОВ, В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ И Т. П.?

Вполне вероятно, что кое-какие уступки и послабления ("пряники") будут делаться властью по отношению то к тем, то к другим группам населения, но *никаких принципиальных и существенных перемен в режиме коммунистической диктатуры ожидать не приходится*: от полицейского аппарата принуждения и системы террора ("кнул") она не откажется, ибо рискует иначе своим падением.

Из всего сказанного, конечно, не следует, что со смертью Сталина в СССР, в странах коммунистического блока и внутри мирового коммунистического движения (в особенности — его руководства) ничего не изменилось. *Система осталась, но она дала трещину*, ибо:

А) Монолитность единого коммунистического руководства разрушена: нет ни общепризнанного и достаточно авторитетного "вожля", ни общепризнанного "в мировом масштабе" водительства;

Б) иерархическая структура взаимоотношений внутри мирового коммунистического движения нарушена: роль Москвы, как *единого* руководящего центра, поколеблена;

В) критическими могут стать взаимоотношения между СССР и странами-сателлитами;

Г) *внутри самого Советского Союза* — в настроениях партии и комсомола, армии и даже "органов государственной безопасности" — наметились опасные для власти сдвиги, известное "брожение умов", открывающие *потенциальные* возможности для антиправительственных действий при наличии "толчка" извне или изнутри. Это же относится и к привилегированному слою так называемых "хозяев-владельцев";

Д) помимо указанных процессов во всесоюзном масштабе, обострились некоторые *центробежные* настроения среди населения и даже компартий *национальных* республик, заставляющие центральную власть принимать решительные меры организационного и административного порядка для подавления названных тенденций.

21

Все эти мотивы побуждают ЦБ КЦАВ утверждать со всею определенностью, что всякое ослабление психологической войны против коммунизма было бы, именно в данное время, роковой ошибкой, ибо явилось бы прямой помощью коммунистической диктатуре. По мнению ЦБ КЦАВ, необходимо:

I. Усиление психологической войны против мирового коммунизма;

II. Расширение и углубление революционной пропаганды против коммунистической диктатуры;

III. решительное отмежевание от коммунистического тоталитаризма и от иллюзий "мирного сосуществования" между ним и свободным миром;

IV. планомерное сочетание внешнего давления на коммунистическую диктатуру с содействием росту сопротивления ей со стороны населения поработоченных коммунистических стран.

Жуткая фигура

(О САМОМ СЕБЕ)

Председатель Ц. В. Координационного Центра и "Союза Борьбы за Свободу России" человек аморальный. Это вытекает из заявления редактора "Соц. Вест.", напечатанного в последнем номере журнала российских меньшевиков. Аморальность "историка и писателя" Мельгунова выразилась в том, что он, как и другие его соратники по К. Ц. (Г. П. Автонов и П. А. Курганов), "будучи очень хорошо осведомлены о том, что делалось на злосчастном съезде (имеется в виду мюнхенский съезд новейших эмигрантов. — С. М.)... все покрыли своим моральным авторитетом (не правильней было бы сказать "аморальным"?)".

Мое личное отношение к недостойной, на мой взгляд, кампании Лиги против организации новейших эмигрантов, возглавляемой Г. П. Климовым, достаточно определенно выражено в статье "Набат впустую", которая была напечатана в предыдущем номере "Российского Демократа" (кстати, в этой статье нет тех слов, которые "Соц. Вест." берет в кавычках). Добавлять мне нечего. Редактор "Соц. Вест." прошел молчанием то, что сказано было в статье, и ныне становится на ходули какого-то особо объективного наблюдателя, который "не был прямо заинтересован ни в одном мюнхенском предприятии" и "имеет за собой полвека общественной работы": он надеялся, что, услышав от него "правду", мы сейчас же присоединимся к его протесту "во имя достоинства и независимости российской политической эмиграции". Этого не произошло. В газетах был напечатан наш (Автонова, Курганова и мой) "решительный протест" против того, что редактор "Соц. Вест." взял на себя чрезвычайную смелость говорить о какой-то нашей (или некоторых из нас) зависимости от "могущественного американского учреждения" (по-

нимай — военной контрразведки). Этот господин (беру терминологию “Соц. Вест.”) не желает отвечать “сейчас по существу” и предпочитает перейти “от обороны к нападению”, как озаглавлена заметка в июньском номере “Соц. Вест.”. Между тем, всякий публицист, дорожающий своей писательской честностью, должен иметь мужество отказаться от брошенных в пылу полемики неосторожных слов, раз он доказать правдивость их не может. Неужели г. Абрамович не понимает, что его молчание равносильно признанию клеветы с его стороны? Если он хочет носить звание клеветника, это, конечно, его дело.

Переходя от обороны к нападению, редактор “Соц. Вест.” признается, что все данные о съезде “новейших” он почерпнул от авторов письма в ред. “Соц. Вест.”, тут же напечатанного. Авторами “правды о конференции новейших” являются те члены б. Оргбюро, которые провалились на съезде (См. статью мою в “Рос. Дем.”). Они ныне заявляют, что если “указанные господа”, Антонов, Курганов и Мельгунов, пожелают, то они изъявляют согласие представить доказательства правильности приведенных фактов. Но почему мы должны проверять “факты”, приводимые своего рода “политругами” Лиги, за деятельность которых отвечает, как и другие руководители Лиги, г. Абрамович? В частности я, не имевший никакого отношения к организациям “новейших”, попал в эту историю по истине, как “кур в ощи” (см. ту-же статью мою в “Рос. Дем.”). В бюро К. Ц. была выбрана, в свое время, специальная комиссия, в состав которой вошел представитель Лиги. Последняя и должна была представить доказательства правильности своих обвинений. Она этого не сделала, как не сделали этого и б. члены Оргбюро, сообщившие только теперь “правду” в письме в ред. “Соц. Вест.” — подполковник Колосов, гвардии майор Бравт, майор Денисов, кап. Павловский, капитан Ермолов. Молчали они потому, что не находили “разумным опубликование этих фактов”, а, может быть, не полагали нужным считаться с “ветхим престижем” тех, “кто претендует на роль “вождей русской эмиграции”. Они утверждают, что “С. Мельгунову было устно (!) и письменно (!!) сообщено о происходивших на съезде делах”. Не правда! Может быть г.г. члены б. Оргбюро сообщат, кто и когда меня осведомлял?

Некто г. Вересов также дал в “Соц. Вест.” свое дополнительное “свидетельское показание” о том, как “вожди” К. Ц. покрывают “фальсификацию”, и обвиняет нас в “готентотской морали”, ссылаясь на какую то телеграмму Ам. Ком. об “арбитраже” в делах эмиграции. Пользуясь своим возрастом, я мог бы дать только один совет г. Вересову — никогда не писать о том, чего не знаешь и в чем абсолютно не разбираешься, но от такого совета должен уклониться, ибо сей сотрудник “Соц. Вест.”, выступающий в роли блюстителя чистоты общественной морали, как оказалось, одновременно является “уважаемым коллегой” Гр. Алексинского по изданию писквильного листка “Освобождение”, выпускаемого под патронатом издательства “Украинских Вестей”.

Аморальный “вождь” К. Ц. повинен еще в худшем. Из вышедшего сборника “Избранных статей и речей ген. Хольмстон”-Смысловского можно узнать, что “во главе” тех русских, которые, “в погоне за долларами”, “продают свою политику, продают национальное будущее России” “стоит социалист профессор Мельгунов, к которому г. Смысловский, на основании “его (Мельгунова) книг и его прежних слов” относился “с уважением”. Относительно долларов ничего не могу сказать, ибо шушаниа их в своем кармане не ощущаю.

Г. Смысловский приводит ответ Мельгунова одному из его офицеров: “Быть может, Хольмстон и талантливый солдат, но он не герой моего романа”, и спешит прибавить: “это, конечно, правда, ибо в герои социалистического романа я меньше всего подхожу”. Мой социализм здесь абсолютно не при чем — едва ли г. Смысловский понимает, что мой “социализм” не питается от корней марксизма. Если я и сказал такую фразу кому либо из офицеров, принадлежащих к Аргентинскому Союзу “суворовцев”, то имел в виду совсем другое. Я могу понять психологию “власовцев”, вышедших из Советского Союза, но мне совершенно чужда психология членов Р. О. В. С., облакавшихся во время войны в немецкие мундиры. Моральных сентенций, впрочем, произносить не намерен. Констатирую лишь факт. На мой взгляд б. капитану гвардии Смысловскому (он же майор фон Регенау, он же ген. Фольмстон), при всем его, возможно, великом безкорыстии, совершенно неуместно быть вождем “русского военно-национального освободительного движения”.

**

Человек аморальный, продажный, стоит во главе Ц. К. Антибольшевицкой борьбы. Что из этого может выйти доброго? Ничего. Но обстановка еще трагичнее... Мельгунов просто предатель, выдавший, спасая свою жизнь, всех соучастников в 1920 г. в московском процессе по делу т. н. Тактического Центра. Такое тяжелое обвинение выставляет б. член 2-й Государственной Думы (из большевицкой фракции), Гр. Алексинский, на страницах органа украинских сепаратистов, на русском языке — “Освобождения”. (Пикантно, что Алексинский в 14 г. в “Совр. Мире”, в таких тонах выступил против изменнической деятельности “Союза Освобождения Украины”, что даже Миллюков взял под свою защиту украинцев).

Старой эмиграции общественный облик Гр. Алексинского достаточно известен — таким людям не возражают и с такими людьми не полемизируют. Новые эмигранты, очевидно, не достаточно осведомлены о “б. члене 2-й Гос. Думы” (так он и подписывает статьи), иначе органы солидаристов “Посев”, “Грани” не стали бы помещать его статей. Для этих новых эмигрантов и пишутся настоящие строки. В своей деятельности я, вероятно, делал массу неприятных ошибок. Но предателем никогда не был. Опровергать клевету Алексинского мне нет надобности — это сделала уже Е. Д. Кускова в “Нов. Рус. Сл.” в качестве непосредственной свидетельницы того

времени. Сам я, один из главных обвиняемых по делу Т. Ц., написал много лет тому назад воспоминания, названные мною "Суд над русской интеллигенцией" (Сб. "На Чужой Стороне"); написал их с большой откровенностью — ими, отчасти, и пользуется Алексинский, передергивая и коверкая их. Четверо подсудимых по нашему делу были приговорены к расстрелу (Леонтьев, Мельгунов, Трубецкой С. и Щепкин Д.). Нас, фактически, не расстреляли, и двое из нас (Трубецкой и я) при несколько разных условиях, в конце концов, попали за границу. Алексинский намекает, что я де даже не "политический эмигрант" — соответствующая глава из моих воспоминаний когда-нибудь появится в печати, ничего сугубо таинственного там не окажется.

Изобличать грубую хлестаковщину Алексинского у меня в данный момент нет охоты — никогда он не был создателем "Союза Возрождения" (блока антибольшевических политических групп в 18 г.), *никакого отношения к нашему процессу не имел*, был уже за пределами Советской России, когда нас судил Верх. Трибунал и даже выбрался в недосягаемые для большевиков места при моем непосредственном содействии. Но вот что характеризует моральный облик моего теперешнего изобличителя. Он ссылается на открытое ко мне письмо в 20-х г., которое подтверждает обвинение о моем предательстве. Этот анонимный пасквиль, подписанный "Ваш смертник, чудом спасший себе жизнь", был сочинен и распространен в 27 г. самим Гр. Алексинским на большом траурном собрании в Париже, посвященном погибшим от большевицкого террора. Это тогда же неопровержимо было доказано. Зачем это сделал Алексинский? Может быть это была месть за то, что я вынужден был в печати изобличить темную деятельность неких "антибольшевических" организаций, с которыми был связан Алексинский и которые вели свою подозрительную работу через румынскую сигурацу. А может быть просто потому, что такова природа г. Алексинского.

Я приближаюсь, быть может, к исходу своей жизни. Наступил долгожданный момент, когда борьба с большевизмом вступила, как будто бы, в окончательную свою стадию. Я, возможно, наивно полагал, что поступил в известной степени жертвенно (по крайней мере лично для себя), оставив все свои научные исторические работы и ринувшись вновь в пучину политической борьбы. Ошибки неизбежны в таких исключительно трудных и сложных условиях, при которых организуется эта борьба вокруг Координационного Центра. Она может быть успешна лишь тогда, когда чувствуешь за собой моральную поддержку подлинной российской общественности. Имеется ли она? Сам на такой вопрос я, конечно, ответить не могу.

С. Мельгунов

Путь российской революции

Что в близком уже будущем Россия проснется от кошмарного “советского” сна к живой исторической яви, ни у кого почти, ни из нас, русских, ни из иностранцев, не слишком по отношению к России невежественных и не слишком к ней враждебно настроенных, нет в настоящее время сомнения. Споры начинаются лишь с вопроса “когда”? и, более острые, с вопроса — в “каком порядке”? — в порядке ли переворота (народной революции) или в порядке мирных реформ (эволюции), проводимых советской властью на предмет своего постепенного превращения из самозванной в “законную”. Народной революцией или советской эволюцией будет ликвидирован у нас тоталитарный режим? — вопрос для нас не академический, не “гаданье на гуще”, а практический, полный актуального интереса. Мы не простые наблюдатели и подневольные участники событий (текущих и ожидаемых) — в меру отпущенных каждому из нас дарований и сил, мы *ответственные* их создатели. Выбирая из возможных перспектив наиболее для нас вероятную, мы, тем самым, приближаем к осуществлению наше желанное. Если бы Ленин, в эпоху первой европейской войны не “предвидел” для России “пролетарскую диктатуру”, пролетарская диктатура в России вероятно бы и не создавалась. Конечно, это случай предельный: не всем в такой мере, как Ленину и подобным ему по волевой напряженности, вожакам и вождям, дано воплощать свои предвидения в реальности, но в какой-то мере — пусть, в огромном большинстве случаев очень малой, способностью этой обладаем мы *все*.

Оба ответа на сформулированный выше вопрос допускают вариации и всякого рода зигзаги. “Зигзагам революции”, в частности, в 32-й книжке нью-йоркского “Нового Журнала”, посвящена даже специально так и озаглавленная статья. Она написана опытным публицистом марксистского направления, Д. Далиным, и являет собою пример оригинального зигзага эволюционной идеи.

Содержание статьи рисуетя вкратце так: “История России в дальнейшем связана целиком с развитием человеческого массива, находящегося сейчас в большевицкой партии или близко к ней”.

Падения “советской системы” в ближайшем будущем, в силу этого, ожидать не приходится. “Предположение, что советский период истории России завершится глубоким переворотом, в пучине которого погибнет не только высшая власть, но и правящая партия” должно быть отброшено. “Кризисы, вспышки, конвульсии в Советской России возможны, но “системе” ни одна из них не грозит. Даже военное поражение Советской России, если бы разразилась “великая третья”, может вызвать политический кризис (кстати, рисующийся Далину в виде столкновения партийной верхушки с партийными массами), но “плюз народной стихии” не сможет открыть и он.

От партийного “человеческого массива”, от “конгломерата миллионов средних людей”, “коммунистов-обывателей”, инстинктом, если не разумом, крепко связанных с “Октябрем” и “октябрьским укла-

дом”, России никуда не дано уйти до тех пор, пока не возникнут в ней условия для новой “великой революции”, подобной одной из трех доселе бывших в Европе — английской (17-го века), французской — (18-го) и... “октябрьской” — (20-го).

Главное, необходимое и основное из этих условий есть появление “выпавшего из народа”, “дворянского” класса, в качестве “белой кости” противостоящего черной кости “простого народа”. Пока “народ” и “власть” ощущают себя в стране, как нечто единокровное и *однородное* (случай современной “советской” России), никакой конфликт, или разлад между ними, форму подлинной революции принять не способен. Октябрьской, т. е. современной, созданной “Октябрем”, России ждать своей революции придется долго — до той поры, когда из современной советской “полунинтеллигенции” образуется “новое дворянство” — когда и сама советская “система” уступит место “ново-дворянскому” государству, а от “системы” останется (если останется) одна архивная память. И героем новой “великой революции” будет уже не старый, человеческий, близкий к правящей партии “массив”, а новый, неведомый пока “народ”, по социальному весу подобный тому российскому народу, который в 17-м году (в “Октябре”, полагает Далин), выкорчевывал из российской почвы стародворянский режим и старорежимное самодержавие...

Это — “когда-нибудь”, там — “через тысячу лет”, а реально сейчас, история ставит в свой российский порядок дня, не новую Социальную Революцию (Откуда бы было ей взяться в Советской России, в почве которой, на место выкорчеванных в 17-м году и раньше вековых корней никаких новых пока не выросло), и не то “столкновение партийной верхушки с партийными массами”, на которое уповает Далин, а столкновение российского народа с советской властью — ликвидация у нас тоталитарной “системы”. “Ход и исход” этого политического кризиса определится, конечно, не “происшедшими за последние 15 лет переменами в коммунистической партии”, а созданным за десятилетия диктатуры духовным и политическим уровнем российских народов.

Будущее рисуется Далину, идущим по Гегелю-Марксу, — “переходом количества в качество”. Ну, пусть “количество-качество”: дело не в словах. Но когда под количеством разумеют накопление нового “внутри коммунистического движения”, а под новым качеством — превращение советской полунинтеллигенции в интеллигенцию — эмбрион будущей “белой кости”, — марксистская формула перестает быть невинной словесностью и превращается в опасный большевизавский “зигзаг”...

Недомолвки, неясности и противоречия в рисуемой Д. Далиным картине ожидающих Россию зигзагов бросаются читателю в глаза. Останавливаться на них не имеет смысла. Но важно отметить и подчеркнуть главный источник и корень их. Он очевиден и ясен. Это — подмена “Великой Российской Революции” одним, очень важным, правда, и судьбоносным ее этапом — возведение в ранг Революции октябрьского ленинского «*Coup d'Etat*». Не изжитый еще

доселе советский период русской истории — не вся Революция, а лишь один из ее эпизодов — террористический “прелютарский” этап, аналогичный “санкюлотскому” марато-робеспьеровскому этапу во Франции.

Надо запомнить: “Великая Революция” в России не произошла, а *происходит*; мы на одном лишь из первых ее этапов. И началась она не “Октябрем”, как полагают коммунисты и коммунизаны, и не “Февралем” даже, как любят подчеркивать наши “революционные демократы” (ненавидящие большевикам “меньшевики и эсэры”), а раньше — стихийным народным движением “пятого” года, создавшего в России демократический климат Государственных Дум и признанных законом “октябрьских” (пятого года) свобод или, может быть, и еще раньше — общественными движениями 60-х и 20-х годов прошлого века — эпохами “великих реформ” и декабрьского покушения. Советский период — не первый период Российской Революции, а период ликвидации советского строя *не последний ее этап*, как во Франции ликвидация марато-робеспьеровщины не была последним этапом ее Революции, а открывала собою растянувшийся на 70 лет ряд новых ее этапов.

События Истории, в их конкретности, единичны, неповторимы. Искать в Истории аналогий и параллелей можно с большими лишь оговорками и условно. Однако, в развитии культурно родственных (в данном случае, европейских) стран некий параллелизм, без сомнения, существует, и метод сопоставления к изучению его приложим.

В силу географических, исторических и этнографических особенностей России, этапы ее Революции оказываются длительнее французских: во Франции, собственно, санкюлотский период длился не более четырех лет; в России “пролетарский” перевалил уже за четвертый десяток. Возможно, что и следующие этапы нашей Революции окажутся более длительными. Сейчас, с большою уверенностью, пользуясь тем же методом аналогии, мы можем предвидеть в них только одно: все они (как бы ни были они бурны по внешности), несут России не новое разорение, а постепенный выход из старого, созданного советчиной — постепенное выздоровление народного тела и народной души от грозившей им смертью, “октябрьской” болезни, приближение к осуществлению великого замысла пореволюционной — обновленной России, возвращение страны, в какой-то, неведомой нам пока, форме, на ее покинутый временно исторический путь. “В отличие от океанских бурь, писали мы 5 лет тому назад в нашем 13-м сборнике (“За Свободу России”), революционные бури не завершаются, а открываются, обычно, “девятым валом”: он вздымается в великих революциях *первым*, а все следующие валы отмечают уже постепенное утишение бури, и вхождение ввихвренной стихии в новые спокойные берега. Так последовавшие за “термидором” валы Французской Революции, *все* — не исключая самого шумного из них — “48-го года — явились этапами постепенного устроения и выявления нового, пореволюционного строя: “Брюмер” поколчил с анархией демагогов, “Реставрация” — с якобин-

ским милитаризмом, “Июльская” (30-го года), революция — с легитимизмом, “Февральская” (48-го г.) — с цезаровым парламентаризмом и т. д., пока “4-е сентября” 71-го года не осуществило, наконец, в лице 3-й Французской Республики, заданный Франции и Европе 1789-м годом, тип “буржуазно-демократического” пореволюционного государства.

Наш “девятый вал” отшумел, но не им, не ликвидацией его последствий (советчины) Российская Революция закончится. Впереди нас ждут, вероятно, еще новые, неведомые пока, этапы. После сокрушения народом советской власти “маятник Революции, писали мы в упомянутом сборнике, не раз качнется, вероятно, и вправо, и влево, пока в какой-то исторический Час не остановится над, по истине пореволюционной, обновленной Россией.

Какой, в точности, будет эта Россия — гадать бесполезно, но мы имеем основание верить, что уничтоженные у нас “Февралем” — старо-сословный строй и сословные предрассудки — уничтожены навсегда, а уничтоженные “Октябрем” — начала правового режима в демократии — в какой-то мере непременно вернуться.

Ив. Херасков.

Русь — Малороссия — Украина *)

В одной из тетрадей “Возрождения” (№ 14) напечатано письмо в редакцию за подписью “Украинец”. Автор его не сепаратист, он очень хорошо понимает лживую, антинародную сущность самостийничества, но он чрезвычайно обижен тем, что “братья-галичане” презрительно называет его “малороссом”. Я украинец! — возмущается он. Случай характерный. Он — лучшее доказательство всемогущества пропаганды и воспитания. Не прошло еще 40 лет, как слово “Украина” приобрело официальное значение, а уже возникло поколение, понятия не имеющее о том, что в течение тысячи с лишним лет, теперешние украинцы называли себя русскими и малороссами. Наш “украинец”, столь смело разоблачающий самостийников, конеч-

1) Помещая чрезвычайно ценную историческую справку Н. И. Ульянова, редакция должна внести к ней оговорку. Автор законно возмущается фальсификациями, к которым не стыдятся прибегать украинские шовинисты для обоснования своих фантомных притязаний на независимое состояние Украины вне России. Чувство негодования толкает, однако, Н. И. Ульянова подчас к некоторым крайностям, которые приводят его почти к отрицанию исторической традиции даже за комплексом понятия «Украины», как самобытного национального целого.

Конечно, государственное значение этот термин получил лишь в большевицкое время, но он узаконен был, как символ национальной концепции, в сознании русской передовой общественности очень давно. Навряд ли надо искать истоки современного «украинства» в польской или австрийской выдумке, как это в былые годы трафаретно делала публицистика российского официального национализма. Не прав Ульянов,

но, и мысли не допускает о том, что в некотором смысле находится у них в плену, что стыдиться слова “малоросс” научили его те же самые самостийники. Он вряд ли отдаст себе отчет, почему возникла вражда к старому, многовековому национальному имени и возлюбил другое, новое? И уже, конечно, не задумывался над вопросом: которое из этих двух имен правильнее выражает национальную сущность народа? Мы вовсе не ставим себе задачей убедить его не называться украинцем. Каждый пусть называется, как он хочет. Но мы в праве спросить о причине недовольства одним именем и симпатии к другому. Ответ можно предвидеть заранее: слова “Малороссия” и “малоросс” придуманы и навязаны великоруссами в целях унижения украинского народа. Самих себя назвали “великими”, а нас — “малыми”. Кое-кто к этому прибавит, будто, “Русь” и “Малая Русь” суть термины книжные, надуманные, тогда как “Украина” — подлинно народное название. Существует множество других объяснений в таком же роде, и все они почерпнуты из кладезя самостийнической мудрости. Есть даже утверждение, согласно которому, Украина носила это имя от начала истории. Но все такие ответы обнаруживают, что именно истории то и не знают те, кто так отвечает. Между тем, казался бы, к научным данным в первую голову и следовало бы обратиться в столь важном вопросе. Мы располагаем большим количеством источников, свидетельствующих о далеком прошлом территорий, занятых ныне украинцами. Это, прежде всего, летописи и памятники письменности Киевского периода, а также сказания арабских, византийских и западно-европейских писателей VII-XII вв.

И вот откройте начальную летопись и прочтите в первых же строках: “Откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда русская земля стала есть”. Вся территория от Ильменя до Черного моря, от Приазовья до Карпат носит русское имя, и древний летописец ни одним намеком не позволяет заподозрить существование для нее какого-нибудь другого имени. Еще совсем недавно одна галицийская газета в Канаде возмущалась тем, что москали взяли привычку называть Киев “матерью городов русских”.

когда утверждает, что «Украина» до гибели Российской Империи существовала лишь как бытовое протонародное (казацкое) название. (Напр., «Слободская Украина» — термин административно-территориальный еще в XVIII в.). Надо ли напоминать о Гоголе, Пушкине и Рылееве! У Рылеева между Украиной и Малороссией можно поставить знак равенства. Мне «ад — Украину зреть в неволе», — говорит поэт в «Исповеди Наливайки», мечтающего возвратить свободу «Малороссии родной».

Русская интеллигенция всегда была чутка к порывам национального сознания. Поэтому она так легко после 1905 г. — в годы освобождения русского духа от цепей старого государственного уклада, заменила слово «Малороссия» словом «Украина». Эксцессы украинских шовинистов не могут заставить отказаться от благородной традиции нашей «незабвенной старины». Может быть этим шовинистам более нравится термин «Малороссийская Украина», узаконенный историческим прецедентом? — Как известно, титул гетмана Малорусской Украины получил от турецкого султана сын Богдана Хмельницкого.

Ред.

Увы! Эта москальская традиция в такой же степени — украинская; она насчитывает больше чем тысячелетнюю давность и восходит к князю Олегу, которого украинцы считают “своим”. “Седе Олег княжити в Кieve, — говорит летопись, — и рече Олег: се буди мати градом русским”. Нет числа старинным текстам, в которых земли нынешней УССР именовются “Русью”, а народ “русским”. Не меньшим обилием таких сведений отличаются и иностранные источники. Поход Аскольда и Дира на Царьград описан у восьми византийских авторов и везде фигурируют “руссы”. Даже современное нам слово “Россия” известно было в X веке и служило у византийцев для обозначения Киевского Государства. Согласно Константину Багрянородному, в 946 году из Византии отправлена грамота с таким заглавием: “От Константина и Романа, христолюбивых царей, Игорю, правителю России (Ρωσικας)”. Тот же император, списывая приезд Ольги, называет ее “правительницей России” (αρχοντισσα Ρωσικας). Русией же именовали Киевское Государство и на Западе “Russie la large”, “Russie la Grant”, — писали о нем французские романы XII века. Кого бы из иностранных писателей того времени ни взять, никто из них, — вопреки мнению самостийнических историков, — понятия не имеет об украинцах, но все говорят только о русских, Руси, о России.

После падения Киевского Государства южные его земли продолжали долгое время носить русское имя. Те же галицкие князья, по традиции Романа и Давиды, именовали себя князьями и господами “русской земли”, даже “всей русской земли” (*duces totius terrae Russiae*), а на печатях продолжали носить титул “короля России”. В Литовско-Русском государстве и потом в польско-литовские времена термин “Русь” оставался неотделимым от наших южных и юго-западных земель. У поляков кроме слова “Русь” и “русский” не существовало обозначения для предков теперешних украинцев. Сами эти предки называли себя русскими, даже в XVII веке, когда слово “Украина” начало входить в употребление. Примеров тому — тысячи. Чтобы не ходить далеко, обратимся к Богдану Хмельницкому. Знаменитый гетман в речах и в официальных документах редко пользовался термином “Украина”, но почти всегда говорил о Руси и о русских. “Згыне лядска земля, згыне, а Русь буде в тым року пацувати!”, “Выбью з лядской неволи народ русский весь!” Посланным Киселя, заставшим его однажды, в подпитии, он заявил: “Я теперь единовладный самодержец русский” и т. д.

Факт тысячелетнего существования и живучести слова “Русь” на нашем юге настолько общеизвестен, что еще в прошлом столетии никому из самых пылких украинских патриотов не приходило в голову отрицать его или замалчивать. Напротив, оно было настолько популярно, что украинофилы того времени пытались сделать его достоянием одной только южной части русского племени. Нам, живущим в эпоху яростного открепивания украинцев от русского имени, это может показаться неправдоподобным, но такая тенденция имела место. Существовала версия, по которой северная Россия, в

древности не называлась Русью, а это имя относилось только к территории теперешней Украины. Среди галицийских писателей эту версию отстаивал львовский профессор Омелян Огоновский. "Когда московское княжество, — писал он, — восприняло политическую роль рутенской метрополии — Киева, разрушенного татарским нашествием и внутренними междоусобицами, то оно должно было, естественно, присвоить себе и имя своего уже не опасного соперника, чтобы затем выступить в качестве его законного преемника и обнять старинным популярным именем все восточные славянские племена. По совершении этого, богатого последствиями, присоединения, древняя Рутения (Русь) осталась без имени, т. к. две национальности не могли удовлетворяться одним и тем же названием. С тех пор, московское великое княжество стало называться "рутенским" (русским), а потом и все централизованное царство — Россией. Вместе с тем, собственная Россия (южная Русь), должна была искать себе нового имени, чтобы не быть вычеркнутой с карты мира". Это рассуждение, несмотря на грубое невежество, прущее из каждой строки, подхвачено было множеством галицийских писателей, донесено до наших дней, и сейчас нередко приходится слышать от галицийских начетчиков жестокие сетования по поводу незаконного присвоения русскими древнего их галицийского имени. Некоторые "ученые", вроде Вострунного, открыли, будто, Екатерина II особым указом всемилостивейше повелела кацапам сменить свое прежнее прозвание москвитяв на новое имя русских, отнятое у юго-западного народа.

На самой Украине аналогичную версию развивал Н. П. Костомаров. По его мнению, варяго-Руссы, утвердившись в Киеве, сообразили свое имя ближайшему племени Полян, которое первым из славянских племен стало называться Русью. Потом, "уже в XI веке название это распространилось на Волынь и нынешнюю Галицию, тогда как не переходило еще ни на северо-восток, ни к Кривичам, ни к Новгородцам". "Киевская или русская земля, — говорит он, — обладала не только всею южною Русью, но и словянами, жившими на севере и востоке пространства, занимаемого теперешней Россией, отчего впоследствии все эти словяне усвоили название русских". Впоследствии, по словам автора, "у южно-русского народа, как будто было похищено его прозвище". Получившие от южан русское имя, северяне, сделали его своим исключительным достоянием, поставив южан перед горькой необходимостью именоваться то малороссами, то украинцами, то просто "хохлами".

Комизм и явная несостоятельность версии о "похищении" — настолько очевидны, что нет необходимости на ней останавливаться. Привели мы эти высказывания с единственной целью показать, что русское имя, по признанию самих вожаков украинизма, присуще было нашему юго-западу от начала истории. Это было его родное имя.

Приблизительно, с первой половины XIV столетия к имени "Русь" начинает присоединяться эпитет "Малая". Но употребление термина "Малая Русь" началось впервые не у москалей, а в галицко-волыньском крае. Сохранились латинские грамоты князя Юрия II, в

которых он именует себя “герцогом всей Малой Руси” (*dux totius Rutheniae Minorum*). Надо думать, уже в то время это прозвище было широко распространено. Впоследствии оно настолько укореняется и приобретает всеобщую известность, что венецианец Контарини, бывший в 1474 г. в тех местах, употребляет его, как вполне законное. “20 марта выехал я из Польши, — пишет он, — и вступил в Малую Русь, которая подвластна также польскому королю”. Столетием позже, знаменитый Иоанн Вишенский, после берестейской унии 1596 г., пишет с Афонской горы послание “Ко всем православным христианам Малое России, народам русскому, литовскому и лядскому”. Исаия Ковинский, викарный епископ при Пове Борецком, называет себя в XVII веке “епископом Малой Руси”.

Наконец, тот же Хмельницкий, на Переяславской Раде, говорил: “Всея Руссии самодержец, призрел на свою господареву отчину и на всю Малую Русь милостью своею... Киев и вел (Малая Русь — вечное их, государева величества, достояние”. Даже в одной из самых старинных казацких дум, о Самуиле Кошке, можно прочесть:

“А коло себе мав він шестидесяти літ Івана Бутурлака,
Малороссийского христьянина;
Той був у его вірний слуга”.

Как могли москали навязать князьям, епископам и выдающимся людям неподвластной им в то время Южной Руси “унизительное” прозвище? И как могли заставить их называть северную и северо-восточную Русь — “великой”? А ее на юге так называли. В 1644 г. Нафанаил, игумен Киево-Михайловского монастыря повествует о том, как патриарх Перемия в 1620 г. из Киева “пустился на Великую Россию до Москвы”.

До самого момента зарождения сепаратистского движения в Малороссийском крае, т. е., примерно, до середины прошлого столетия, никто из южно-руссов не усматривал для себя ничего обидного в словах “Малороссия” и “малоросс”. В массе своей, народ, до самой революции 1917 г., с любовью и гордостью носил название малороссов.

Теперь, когда мы знаем происхождение термина “Малая Русь”, нам ясно, что ничего, способного вызвать отрицательное к себе отношение, он и не заключал. Этот термин церковного происхождения и зародился не в России, а в Константинополе, при патриаршем престоле. Ни этнографического, ни расово-национального характера он не носил. Патриархи стали называть этим именем те земли, которые отделялись в церковном отношении от древней русской митрополии, а также все, что попадало в зависимость к Литве или Польше — к неправославным странам. Первоначально, это была Галиция, раньше других отпавшая от Киевских митрополитов. Сам Киев долгое время причислялся к Великой Руси, пока не был захвачен Литвой вместе с прочими южно-русскими землями. В венской библиотеке сохранился сборник актов константинопольской патриархии, опубликованный около ста лет тому назад и хорошо известный исследователям. Заключенные в нем документы позволяют каждому, интересующемуся

этим вопросом, с полной отчетливостью проследить византийское происхождение слов "Малая Русь". Недавно они послужили материалом для превосходной статьи проф. А. Соловьева на эту тему. "С тех пор, как русский народ получил богопомазание, — гласит императорский хрисовул, изданный в 1347 году, — священные епископии Малой России, находящиеся в местности, называемой Волянью: Галицкая, Владимирская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская, так же, как и епископии Великой России, принадлежали к митрополии Киевской и всей России... Но смуты оторгли от Киевской митрополии епархии Малой России и подчинили их Галицкой архиепископии". Император, патриарх и весь церковный собор 1347 года постановили, чтобы "епископы Малой России снова подчинились Киевской митрополии". Этого, как известно, не произошло и раскол продолжал углубляться благодаря политике литовских князей и польских королей, которых в Константинополе называли королями "Ляхии и Малой России". Они упорно требовали для своих русских владений особого митрополита. Часто им это удавалось. Был, например, случай, когда для Малой Руси и Литвы поставлен был митрополитом Киприан, а Пимин назначен митрополитом "Великой Руси и Киева". Таким образом, название "Малая Русь" возникло не благодаря чьей либо злой воле, но порождено историей страны. Отказ от него означает отказ от истории своего края.

**

Тем не менее, националисты усиленно борются с "Малоросси-ей" — последним названием в котором слышится слово "Русь", насаждая взамен нее всеми способами "Украину". Ревность, с которой новое имя пропагандируется и внедряется, обнаруживает явное намерение искоренить слово "Русь" не только в настоящем, но и в далеком прошлом своего края. Историки с таким упорством называют древне киевское государство украинским, точно ставят себе задачей внушить читателю, будто русским оно никогда не называлось. Некоторые, более совестливые, не скрывают того, что в Киевский период Украина называлась Русью, но, отдав скудную дань истине, спешат сразу же загладить "тяжелое" впечатление. Так, Щербаковский взвешивает, что термин "Украина" встречается уже в памятниках XII в.

"Украина" или "Окраина", действительно, часто упоминается в русских летописях, но в том единственном значении, в котором это слово выступает во всех славянских языках, т. е., земли, удаленной от центра, лежащей при границе, на краю владений. Таков смысл названия славянской провинции "Крайны" в Австрии. Уже много раз указывалось, что в древней Руси известны были "новгородские и псковские украинны", "рязанские украинны", "сибирские украинны" и т. д. Брянск, Тула, Калуга в конце XV, в начале XVI вв. — тоже именовались "Украиной". Этим же прозванием отмечаются черниговские места — самые крайние владения Москвы на юге. Одна из таких московских "украин" фигурирует на голландской карте конца XVII века, где район Оскола, Валук, Белграда обведен пунктиром с надписью "Okraina". Подобное слово могло существо-

вать и существовало в XII веке, но каждому ясно, что ни в политическом, ни в этнографическом смысле оно не употреблялось. Не могло оно обозначать территорию современной УССР, потому что в те времена эта территория являлась не окраиной, а центром Киевского Государства. Но у историков-самостийников ясно выражена тенденция толковать термин "Украина" не в смысле приграничной земли, а гораздо шире — как область, даже как целую страну. Недавно умерший Дм. Дорошенко полагал, что под "Украиной" во все времена разумелась совокупность областей, составляющих современную УССР. В своей популярной книжке он так и утверждает: "слово "Украина" на означения простору де живет наш народ, зустрічається вже в пам'ятках XII віку". Это равносильно полному перевороту в наших представлениях о XII веке, и человек, совершивший подобное "открытие", обязан представить ученому миру соответствующую аргументацию. Между тем, ни у Дорошенко, ни у Щербаковского не встречаем не только цитат, но простой даже ссылки на источник. Источник этот так и остался бы тайной высокоученых профессоров, если бы не г. Борщак, взявший на себя задачу показать его и обосновать с его помощью утверждение Дм. Дорошенка¹⁾. Оказывается, под "памятками XII віку" разумеются известные тексты Ипатьевской Летописи. "И плакашася по нем вси Переяславци... О нем же Оукрайна много постона", — говорится о смерти переяславского князя Владимира Глебовича под 1187 годом. Под 1189 годом найдена строка о Ростиславе "приехавши же емоу ко Оукраине Галичккой". Приводится также выдержка, относящаяся к 1213 г., когда Данило Романович "прия... всю Оукраину". Наконец, г. Борщак ссылается на 1280 год, под которым сообщает о том, как Лев Данилович "восхоте себе... города на Вкраине". Приведя этот букет цитат г. Борщак, хотя и не решается столь смело, как это делает Дм. Дорошенко, отождествлять упомянутую в них Украину с Украиной в теперешнем значении слова, тем не менее, тенденцию в этом направлении обнаруживает в полной мере. Так, по поводу самого раннего упоминания "Украины" — под 1187 годом, автор замечает: "Хотел ли летописец "Украиной" обозначить пограничную землю Руси — княжество Переяславское, или же это слово для него было простым синонимом всей Руси, т. е. совокупность южных княжеств? Вопрос остается открытым". Смеем думать, что уважаемый исследователь проявляет здесь чрезмерную осторожность, не свойственную ему в других случаях. Пора этот вопрос считать "закрытым" раз и навсегда, пора не только простым смертным, но и ученым понять, что ни об этнографической, ни о государственно-политической "Украине" в Киевские времена речи быть не могло. Для уразумения этого положения трудно найти более убедительный материал, чем те летописные отрывки, что приведены г. Борщак. Надо только взять их не в скупом, урезанном виде, как они поднесены в его труде, а по возможности полно. Тогда откроется, что смерть Владимира Гле-

1) См. его статью в «Revue Des Etudes Slaves», Tome vingt-quatrième, Paris 1948.

28

бовича вряд ли могла вызвать стон и плач за пределами Переяславского княжества. Всероссийской известностью этот князь не пользовался и хотя был храбр и за несколько лет до своей смерти отстоял Переяславль от половцев, получив серьезное ранение, тем не менее, ничем особенным из ряда прочих князей не выделялся. Самая смерть его приключилась не в бою, не в подвигах, а от болезни и тоже не давала повода к проявлению общероссийских патриотических чувств. Оплакивали его не за выдающуюся государственную роль, а за качества совсем иного рода; “бе бо любя дружину и злата не сбираеть, имения не щадяеть, но даяеть дружине, бе бо князь добр и крепок на рати и мужеством крепком показаяся и всякими добродетельми наполнен. О нем же Оукраина много постана”. Любили его, следовательно, за щедрость, за милости, которыми он осыпал дружину и, надо думать, эта его дружина, главным образом, и стонала по нем. Во всяком случае, трудно допустить веские причины для стона со стороны киевлян, черниговцев, новгород-северцев и обитателей других южных княжеств. Летописец говорит: “плакашася по нем вси Переяславци”. Если же плач ограничился Переяславлем, то понятно, почему здесь и Украина помнута. Переяславское княжество лежало на самой границе тогдашней Руси, по соседству с Диким Полем, где начинались половецкие кочевья.

Столь же недвусмысленно, в значении границы, окраины фигурирует “Украина” под 1189 г. “И еха из Смоленска вборзе и приехавши же емоу ко Оукраине Галичькой и взя два города галичькыи и отоле поиде к Галичю”. Из этого отрывка не только нельзя заключить обо всей тогдашней Южной Руси, как об “Украине”, но и само Галицкое княжество назвать этим именем невозможно. Разница между Галичем и “Украиной галицкой”, т. е. окраиной его владений, проведена здесь достаточно отчетливо. То же в рассказе о Даниле Романовиче, когда он “возвратившоуся к домови и еха с братом и прии Берестини и Оугровеск и Верещини и Столи Комов и всю Оукраину”. Еще кн. А. М. Волконский, в полемике с гр. Тышкевичем, обратил внимание на то, что Брест (теперешний Брест-Литовск) и Угровеск — нынешнее село Угруйск в 100 верстах от Бреста — были типичными пограничными пунктами в том месте, где сходились Русь, Литва и Польша, и что, следовательно, под “всей Украиной” надлежит разуметь не теперешнюю Украину, которую кн. Данило, как известно, никогда не занимал, и даже не все галицкое княжество, находившееся еще до занятия указанных городов в его руках (“возвратившоуся к домови”), а окраинную часть Юго-западной Руси, что прилегал к Бресту и Угровеску. Но самый замечательный текст, не оставляющий сомнений в том, как употреблено в летописи слово “Украина”, относится к 1280 году. “По сем же Лев восхоте собе части в земле Лядской города на Вкраине”. Здесь украинские гереды находятся, оказывается, “в земле Лядской”, т. е. в Польше. Чтобы захватить их, Лев Данилович обратился за помощью к татарскому хану Нагаю и, получив от него войско под начальством Кончака, Козея и Каубатана, двинулся в поход. “И тако поидошла вси ко

Саудомирю и пришедше к Саудомирю и поидоша на ону сторону реки Вислы... посем же поиде Лево своими полкы со силою великою ко Кропивниці с гордостью великою, хотя ити ко Кравоу". Если бы Краков, Сендомир, Кропивница были когда-нибудь "украинскими", т. е. южно-русскими городами, это создавало бы некоторую почву для построений и домыслов в духе Дм. Дорошенко, но ведь это польские города, находившиеся в "земле лядской" и если, тем не менее, о них говорится, как о "городах на Украине", то совершенно очевидно, что сама "украина" здесь разумеется не как совокупность южно-русских земель, объединенных ныне в Украинскую Социалистическую Республику, а как окраина польского государства. Всякая приграничная область своего ли, чужого ли государства, для древнего летописца является "украиной", "окраиной", "украиной".

Если, таким образом, семантика слова "Украйна", как окраины, остается непоколебленной, и если выяснено, что в древне-киевскую эпоху и во времена Литовско-Русского Государства коренные земли Южной Руси окраиной не являлись, то когда и по какой причине это имя распространилось на них?

Это произошло в XVI-XVII веках.

Завоевание Царьграда турками, распространение их владычества на всех берегах Черного моря, превращенного с тех пор в турецкое озеро, наконец, утверждение в Крыму Хищной татарской орды — орудия турецких султанов — имело трагический исход на судьбы Южной Руси. Она претерпела такие удары, которые, по своей опустошительности, едва ли не превосходят Батыево нашествие. Дошедшая в период расцвета Литовско-Русского Государства до Черного моря и имевшая там свои гавани на месте нынешней Одессы и Очакова, она в XVI веке оказалась отброшенной далеко на запад. По словам одного исследователя "плодородное междуречье нижнего Днепра, Буга, Днестра, превратилось в такую дикую пустыню, что во времена Стефана Батория войско Самила Зборовского, скитааясь вдоль Буга и Ингула, умирало с голода, а в конце XVI в. казачий гетман Наливайко писал Сигизмунду III, будто бы в этой пустыне "от сотворения мира никто никогда не жил". Причиной подобного запустения были непрерывные татарские набеги. Особенно жестоки они были в начале XVI в., во времена Хана Менгли-Гирея. Тогда все живое хоровилось на далеком западе, а такие крепости, как Буск и Галич, считались пограничными. Бар, Хмельник и Винница рассматривались, как опасные форпосты, в которых могли держаться только отважные воины. И такое положение длилось все XVI столетие. Еще в конце его, польский географ Сарницкий писал, будто замок Бар стоит при самом входе в Татарию или, как он ее называл — "Сарматию". Благодаря отливу южно-русского населения и полного хозяйничанья татар на освободившихся местах Оттоманская Порта усвоила взгляд на коренные русские земли, как на свои собственные, и еще в первой четверти XVII века утверждала, будто крепости Бершад, Корсунь, Белая Церковь, Канев, Черкасы и Чигирин стоят на земле, принадлежащей Султану. Действительно, вассал

его — Крымский Хан чувствовал себя здесь, как дома. Тот же Сарницкий про Белую Церковь пишет, будто татары заглядывали туда, “как собаки в кухню”. А до чего доведен был Киев, подвергшийся в 1482 г. взятию и сожжению со стороны татар, лучше всего свидетельствует описание, сделанное польским бискупом, посетившим в 1589 г. бывшую столицу Руси. В то время — это был захудалый, забытый городишко, не способный поддерживать свои исторические святыни. В Софийском соборе, заливаемом дождями, киевляне запирали скот. “Мать городов русских” представляла в то время тоже пограничную крепость и высыпала в поле сторожевые разъезды, встречавшиеся на западе с разъездами Белой Церкви, а эти держали связь с более западными, брацлавскими, которые, в свою очередь, встречались с разъездами Каменца-Подольского. “По эту черту, — по словам указанного выше исследователя, — до конца XVI в. простиралась Украина, т. е. пограничная область Польско-Литовского Государства”. Мы нарочно взяли эту цитату не у “москаля”, а из сочинения видного украинского патриота — П. Кулиша. Для него, как видим, “Украина” означает “пограничную область Польско-Литовского Государства”. А так как соединение Литвы с Польшей произошло в 1569 г., то совершенно очевидно, что до этого события термин “Украина” не мог распространяться на коренные земли Южной Руси. Да, насколько нам известно, старые и наиболее солидные украинские историки иначе, как с XVI века и не мыслили времени возникновения “назвы” Украины. Возьмете ли Максимовича, возьмете ли Костомарова, Кулиша, наконец, Грушевского — ни у кого из них появление имени “Украина” не относится ко времени раньше середины XVI столетия. На иностранных картах, территории с надписью “Украина” появляются впервые в XVII веке, при чем, если не считать карты Боллана, надпись эта относится всегда к области поселения запорожских казаков. Так на карте Корнетти 1657 г., между «Bassa Volinia» и «Podolia» — значится, по течению Днепра «Ukraina passa de Cosacchi». На упоминавшейся выше голландской карте, то же самое место обозначено: «Ukraine of t. Land der Cosacken». Сейчас уже не подлежит сомнению, что распространителями слова “Украина” в Малороссии, явились, прежде всего, запорожские казаки, люди, порожденные не столько южно-русской культурой и государственностью, сколько — половецко-татарской степью. А они тоже сколько нибудь заметной силой сделались в середине XVI века.

Официального значения термин “Украина” никогда не имел ни до, ни после присоединения края к Великой России. Старинное его название “Малая Русь”, включенное после Переяславской Рады 1654 г. в титул Московского Государя, оставлено было за ним и просуществовало до 1917 г., до гибели Российской Империи “Украина” существовала рядом с “Малороссией”, как бытовое простонародное (казацкое) название.

Впервые в литературе термин “Украина” и “украинцы”, по изысканиям Я. Царинного, стал употреблять польский писатель гр.

Ян Потоцкий в конце XVIII века в сочинениях, выходявших по-французски. Но если у него происхождение украинцев выводится в полном соответствии с Начальной Летописью — из древнерусских племен — полян, древлян, волян и т. д., то уже другой поляк, гр. Фадей Чацкий, решительно покидает научную почву и вступает в область чистой фантазии. Украина и украинцы произошли у него не от слова “окраина”, “край”, но от какой-то никому, кроме него, неизвестной орды “укров”, пришедшей якобы из-за Волги в VIII веке. Когда, при Александре I, открыт был Харьковский Университет, — почитателем его оказался гр. Северин Потоцкий, — брат Яна Потоцкого. Он привлек в новый университет польских профессоров, польское студенчество и сумел на южно-русской почве создать очаг полонизма, до некоторой степени подобный виленскому. Началась пропаганда среди малороссийской интеллигенции идей Яна Потоцкого и Фадея Чацкого. Идеологами украинского движения здесь, как и всюду, выступали поляки. Когда же это движение дошло до мысли о необходимости сменить свое русское, малороссийское, имя на какое-либо другое прозвище, оно имело готовую традицию и апробованное название.

Когданибудь, история внедрения этого названия станет предметом особого исследования, которое покажет миру единственный, в своем роде, случай действительного похищения у народа его старого имени. Это проводилось партийно-заговорщическим путем с применением всех характерных приемов и ухищрений. Еще с середины прошлого столетия началась в прессе и в литературе пропаганда “назвы” “Украина”, но была настолько слаба и так мало имела шансов вытеснить “Малороссию”, что сами пропагандисты, то и дело, срывались с тона и переходили на общеупотребительный старинный термин. Даже в самой Галиции, где создан был штаб украинофильской пропаганды во главе с “Науковым Товариществом им. Шевченко”, — народ знать не знал никакой Украины. Но там украинофилы прибегли к бесподобному приему, они попытались уговорить австрийское правительство ввести это имя государственно-административным путем. Предпринято это было в разгаре первой мировой войны. Членам правительства представлена была записка, отпечатанная в 1915 г. в Вене, в небольшом количестве экземпляров, под заглавием: «Denkschrift über die Notwendigkeit ausschliesslichen Gebrauchs des Nationalnames «ukrainer»¹⁾. Австрийцев соблазняли крупными политическими выгодами, могущими последовать в результате переименования русинов в украинцев. Но имперский кабинет не прельстился такими доводами. На его позицию, видимо, сильно повлияло выступление знаменитого венского слависта-академика Ягича. Ягич прямо заявил, что “в Галиции, Буковине и Прикарпатской Руси, эта терминология, а равно все украинское движение, является чужим растением, пазве занесенным продуктом подражания... О всеобщем употреблении имени “украинец” в заселенных русинами краях Ав-

1) См. об этом брошюру Игоря Бутенко «Что каждый должен знать об украинцах», Мюнхен, 1948.

стрии не может быть и речи; даже господа, подписавшие меморандум, едва ли были бы в состоянии утверждать это, если бы они не хотели быть обвиненными в злостном преувеличении”.

Другая подобная попытка предпринята была в Польше в 1923 году. Исходила она от “Наукового Товариства им. Шевченко” во Львове, и тоже вылилась в форму меморандума. “Товариство” просило отменить запрет, наложенный кураторией львовского учебного округа на названия “Украина” и “украинец” в отношении Галиции и русин. Польша, как известно, весьма поощряла украинофильское движение, но на узаконение его терминологии решиться не могла. Старания самостийников безусловно остались бы безуспешными, если бы не большевизм и революция в России. В начавшемся хаосе Малороссии оказалась на некоторое время в руках самозванных, никем не избранных правительств, вроде Центральной Рады, Директории, и это короткое пребывание сепаратистов у власти используется для насаждения “назвы” принудительными методами, вплоть до расстрела лиц, именовавших себя малороссами, к чему, как известно, прибегали петлюровцы¹⁾. Меры эти сопровождались бешеной агитацией в пользу украинского имени. “Ті імени треба вбивати кожному нашому чоловікови в голову, бо дуже часто забуває са”, — писал один агитационный листок того времени.

Но и эта зверская украинизация не принесла бы окончательной победы имени “Украина”, если бы не большевики. То, чего не смогла сделать украинофильская пропаганда, чего не решились сделать ни австрийское, ни польское правительства, то сделала советская власть, привившая самостийническую терминологию и проводящая ее в жизнь всей мощью своего аппарата и государственного авторитета. «La revolution de 1917 a consacré le nom «Ukraine» sous la forme Украинска Радянска Республіка», — пишет г. Борщак в упомянутой выше статье. Благодаря большевизму, все новое поколение южно-русов воспиталось под знаком не-русского имени, к вящему торжеству ненавистников России, жаждущих ослабления единого русского народа.

**

Отречение сепаратистов от древнего имени предков, от имени времен Олега, Святослава, Владимира, не ограничилось простым отказом называться так, как те себя называли, но вылилось в намерение переименовать и своих далеких прадедов. Что предки называли русским, то самостийнические потомки объявили “украинским”. Раскройте любую “творю” украинских националистических историков и убедитесь, что древне-киевское государство именуется у них “украинским”, древне-русские князья — украинскими князьями, митрополиты “Киевские и всея Руси” — украинскими митрополитами, язык того времени, называвшийся всюду русским, — древне-украинским языком и т. д. Не останавливаются даже перед грубейшим, неслы-

1) В бытовых явлениях гражданской войны все возможно. Но таких, как бы официально зарегистрированных, фактов, мы не знаем.
Ред.

ханым искажением памятников древней письменности, в частности — летописи. Один безымянный автор “Истории України з ілюстраціями”, описывая Любечский съезд 1097 г. и приводит речи князей, цитирует летопись (конечно не в подлиннике, а в украинском переводе): “Половці выкористовують наши незгоди і руйнують нашу батьківщину. Будемо видтеперь однодушни и пильнуймо добро *України*”. Кто хоть раз заглядывал в летопись, тот знает, что слова “Украина” там нет, оно вставлено автором вместо слов “Русская земля”. “Да ныне отъселе имемся в едино сердце и блюдем Русьские земле”, — гласит подлинный текст летописи. Не менее артистически обращаются с другим памятником древности — со “Словом о Полку Игореве”. Все помнят там знаменитое место, касающееся кн. Ярослава Осмомысла: “грозы твоя по землям текут; отворяши Киеву врата; стреляши с отня злата стола Салтавы за землями. Стрелій, господине, Кончака, поганого Кошця за землю Русскую, за раны Игоревы”. У галицийского Моммзена это выглядит так: “Стриляй же, княже, Кончака, поганого половецкого Хава, за землю Украинську”. Возможно ли в какой другой стране подобное надругательство над сокровищами национальной культуры? Что сказали бы французы, если бы в “Песне о Роланде” все слова “Франция” заменены были словами “Гаскель”?

Кто думает, что случаи такого искажения единичны и ограничиваются одной, двумя книжками, тот, попросту, не знает самостийнической печати. Легче перечислить произведения, в которых они не встречаются, чем наоборот. Вот “Наріс історії української літератури” Владимира Радзиковича. Найдите соответствующую страницу и убедитесь, что там, также стреляют Кончака “за землю Украинську”. Подмена слова “русский” словом “украинский” сделалась узаконенным приемом. Цитируя “Слово о законе и благодати” митрополита Илариона, Радзикович влагает ему в уста: “не в невидомій землі володілі вони, а в українській про яку знають, та про яку чують на всіх кінцях світу”. Школьнику или простому галицийскому читателю, конечно, в голову не придет, что в подлиннике эта фраза читается: “не в худе бо и не в неведеме землі владычествоваша, но в Русьской, яже ведома и слышима есть вьсеми конци земля”. Рука самостийнического корректора прошлась по всем произведениям древне-киевской литературы. “Что хочени игумене русский?” — вопрошает иерусалимский король Балдуин нашего игумена Даниила, ходившего в начале XII века в Святую Землю. “Княже мой, господине мой!” — отвечает Даниил, — молно ти ся Бога деля и князей деля русских, повели ми, да бых и аз поставил свое кандило на гробе святом от всея русския земли”. Радзикович циро похваляет игумена за его жест, за то, что он “не тільки від себе, за свої грехи, а від усієї української землі” ставит лампаду на гроб Господен.

В науке существует ряд общепринятых положений, игнорировать или нарушать которые не должно быть позволено никому. Это касается также терминологии. Историческая терминология слабо раз-

работана, но в ней есть вещи, обязательные для каждого и абсолютно незабываемые. Нельзя, например, древних римлян именовать итальянцами, а современных греков — эллинами. Это — антинаучно, а когда делается в политических видах — преступно. На наших глазах трагично закончился нелепый фарс, разыгранный Муссолини, когда современные буржуа, лавочники и лаццарони, напялив тоги древних патрициев, вздумали поиграть в римскую империю. Столь же недостойный фарс разыгрывают самостийники, модернизируя Киевскую Русь, зачисляя князей в запорожцы, изображая св. Владимира с моржовыми усами, с чубом, в широченных шароварах, и объявляя всю древне-киевскую культуру — украинской культурой.

Бесполезно, конечно, спрашивать, кто дал им право терминологию, принятую с давних пор всей мировой наукой, подменять своей доморощеной терминологией? Сделаю это не по праву, а вопреки ему. Совершенно очевидно, что в данном случае, путь фальсификации науки, путь борьбы с истинной рассматривается, как истинный путь украинского национализма. Надобно обладать исключительной верой во всемогущество лжи, надобно сознательно обречь себя и свое дело на служение обскурантизму, чтобы решиться на такой путь.

Будем верить, что светлое начало братского общерусского единства в украинском народе сильнее и глубже, чем это думают самостийники, и это начало поможет ему одолеть силы тьмы.

Н. Ульянов.

Крестьянство и колхозы

В "Новом Русском Слове", в № от 16.II.52 г. опубликована статья проф. С. Н. Прокоповича, посвященная критике платформы Координационного Центра. Особенно резкие возражения его направлены против "упразднения колхозов и системы принудительных поставок". Не менее отрицательно отнесся к этому пункту платформы и Н. М. Ясный (автор большого труда о сельском хозяйстве Советского Союза. Его статья "Что Россия будет есть?" в январском номере за 1953 г. "Соц. Вестника").

Оба автора рассматривают крестьянскую проблему свободной России, как чисто экономическую. Сохранить, во что бы то ни стало, организацию колхозного производства, чтобы накормить страну и, главным образом, городское население — вот главная задача освободительного антибольшевистского движения, по мнению проф. Прокоповича и Н. М. Ясного.

Политическая, социальная, психологическая и, наконец, моральная сторона этого вопроса остаются вне поля зрения обоих авторов. Правда, Н. М. Ясный готов считаться с наличием психологического отталкивания крестьянства от новейшей формы крепостного права. "Сообщения Дили самой последней формации не оставляют сомнения в том, что вражда к колхозам даже усилилась" (в послевоенное время. — Примечание мое, В. Н.). "Но, несмотря на всю серьез-

ность этих фактов”, — продолжает Н. М. Ясный, — “я считаю принятие этого пункта платформы необдуманным, именно необдуманным”.

Для проф. Прокоповича психология крестьянства существует, так сказать, только с отрицательным знаком: “как поделят”, и кто будет посредником “в этой всеобщей свалке” дележа колхозов.

Совершенно прав Н. М. Ясный, что “советская хозяйственная машина целиком пропитана насилием”. Но, вместо логического продолжения этой мысли, автор начинает трактовать всю проблему, как чисто экономическую. До какой степени доходит это насилие и каким огромным напряжением всех сил партийного, пропагандного и НКВД-дического аппарата удастся большевикам сохранить колхозы, и с каким трудом добиваются они проведения посевных и уборочных кампаний, по моему, автор все же не учитывает. “Что будет, когда эта подпорка (насилие) будет отнята?”, — спрашивает Н. М. Ясный, но не дает ответа — чем же эту подпорку заменить. Ведь совершенно ясно, что колхозный метод производства можно удержать только насилием. Немцы имели оккупационную армию и без разговоров расстреливали за неподчинение их приказам. Только поэтому они могли восстановить колхозы. А восстанавливать колхозы им пришлось только потому, что большинство их было ликвидировано крестьянами чуть ли не на другой день после прихода немцев.

Какими же силами “насилия” может располагать новая послебольшевицкая Россия в первый момент своего прихода? Этих сил вообще не будет в наличии. Но может ли антибольшевицкая Россия вообще стать на путь насилия, если бы она и обладала соответствующими возможностями? Здесь вопрос уже не о том, как отнесется народ к этому. Ясно, что это отношение будет определяться поговоркой: “Тех же щей, да пожже влей”. Такое насилие над крестьянами приведет новую, антибольшевицкую власть, либо к вырождению в новый тип диктатуры, либо к падению ее и замене ее опять же диктатурой. Свободное хозяйствование крестьянства или насилие над ним — означает свободный или диктаторский строй в России. Тут прямая зависимость, и середины нет. Н. М. Ясный, правда, и не предлагает насилия. Он предлагает только призывать крестьян к сохранению колхозов. “Ну, а не послушают, — по крайней мере мы исполнили свой долг”, — замечает он. Наверяд ли таким “вегетарианским” методом можно добиться свержения большевизма. Со всей определенностью надо сказать, что рекомендуемый Н. М. Ясным путь, это вернейший шаг для превращения политических антибольшевицких сил в попутчиков большевизма. Н. М. Ясный, очевидно, это не вполне учитывает.

Освобождение от большевизма крестьянин воспринимает, как освобождение от колхозов, как возвращение его к индивидуальному хозяйствованию. Освободительное движение может стать именно таковым, только опираясь на народ и, в частности, на его основную массу — крестьянство. Призыв к сохранению колхозов под любым соусом, будет означать потерю поддержки освободительного движения

широкими крестьянскими массами, крестьянскими детьми и выходцами из крестьянской среды в армии, в государственном аппарате, в партии и всем честным, что имеется в нашем народе. Проблема колхозов это прежде всего, применяя большевицкий термин, проблема "движущих сил" антибольшевицкой революции, это проблема судеб России. Чисто экономическая сторона этого вопроса не может затемнить проблему свержения большевизма в целом. Деляческая осторожность в этом вопросе, всяческое уклонение от решительного и бесповоротного ответа на этот судьбоносный вопрос России — будет воспринято народом, как лицемерие, как фальшь, как желание оставить все эти рабовладельческие формы большевицкого государства.

Только решительное "сразу", немедленная ликвидация колхозов, немедленная ликвидация концлагерей, НКВД, ВКП(б) — только такая твердая позиция и только такие ясные и определенные лозунги создадут освободительному движению массовую опору в народе. Н. М. Ясный явно не договаривает до конца, когда бросает фразу: "Отмена принудительных поставок неизбежно усилила бы неравномерность потребления". Это означает не что иное, как только то, что, если крестьянин будет есть досыта, — город будет голодать. Надо сохранить городское население ценой голода крестьянства — вот смысл сказанного Н. М. Ясным. Мы считаем, что в условиях советской действительности голодают и город и деревня за очень небольшим исключением важнейших административных и производственных центров страны, партийной элиты и НКВДистов. Мы утверждаем это на основании пережитого не только в явно голодные годы, но и в годы "расцвета" (1936-40 г.г.) сталинских пятилеток. Можно говорить только о степени голода. Виною является советская система в целом и коллективизация.

Абсолютно ясно, что сохранение хозяйственной системы большевизма с теми или иными поправками означает трагическое: либо накормить город и оставить голодным крестьянство, либо накормить крестьянство — погибнет городское население. Только ликвидация системы большевизма и колхозного производства выведет из этого трагического либо-либо.

Но существует забываемая многими еще одна сторона вопроса. Мы говорим о моральной стороне освобождения крестьянства от колхозного рабства. В эпоху отмены крепостного права в России и освобождения негров в США для всего прогрессивного человечества существовала прежде всего моральная сторона этого вопроса, — право человека быть свободным. Экономическая сторона этого вопроса также существовала, но... только для рабовладельцев-южан в США и крепостников в России.

И сегодня моральная сторона вопроса — освобождение человеческой личности от государственной, крепостной кабалы — колхозной системы — должна быть основным требованием человеческой совести. Тут не может быть примирения, как не может быть примирения со всей системой большевицкого насилия над человеком. Концлагеря и колхозы — это такое зло, такое насилие, с которыми не может

согласиться человеческая совесть. Если для западного мира и некоторых наших соотечественников ясно это в отношении концлагерей, то не совсем ясно это в отношении колхозов. К несчастью, многие видят в них только метод производства, тогда как колхозы есть метод закабаления человека. И только черствость современного человечества, закоружлость современной человеческой совести не позволяют этого видеть.

Но попытаемся посмотреть на эту проблему — ликвидацию колхозов и принудительных поставок с чисто экономической стороны, как это рассматривают указанные выше авторы.

Мы обрадованы и не скрываем этого, услышав от Н. М. Ясного, что “разговоры об огромных преимуществах крупного механизированного сельского хозяйства оказались вздором”. Ведь это основа основ марксизма. Ведь это положение, возведенное в философско-экономический постулат, оправдывало всю коллективизацию в глазах партии, комсомола и всех марксолюбцев. Но никак не вяжется с этим утверждением фраза Н. М. Ясного в той же статье, страницей раньше: “сталинская коллективизация пришла бы, конечно, все равно”. Почему? Каким образом? Где лежат законы, оправдывающие это “конечно” и “все равно”. Ни в экономике русской деревни, ни в психике русского крестьянства не было тенденций к работе коллективом на общей земле. Русский крестьянский мир имеет общее с коллективизацией только в сказках людей, не живших в русской деревне и не имеющих ни малейшего представления о русской общине. А немецкие сказки о русской общине давно пора сдать в архив.

Психологическое воздействие на крестьян большевицких коммун 1918-1921 г. г. мы знаем. Как они “процветали” и “развивались”, и как от них ничего не осталось в эпоху НЭП-а, несмотря на огромную материальную и всякую иную поддержку большевицкой власти. Об этом говорят цифры в книге проф. Прокоповича “Русское народное хозяйство под Советами” на немецком языке. Разбирать причины коллективизации и то, что вынудило большевиков прибегнуть к уничтожению всего наиболее активного и работоспособного в русской деревне — мы не в состоянии в этой статье. Ясно, что “конечно” и “все равно” не вяжутся с миллионами и расстрелянных и сосланных крестьян, с уничтоженной половиной поголовья скота (это для крестьянина с его психикой!) и огромных культурных оазисов, созданных за предшествовавшее столетие, по крайней мере, и т. д. Мы знаем, что крестьянство России принесено в жертву марксовою догме. Этого ни затереть, ни смыть и ничем нельзя замазать в истории.

Перейдем к реальной обстановке в России. Ни опыт мешочничества в годы революции 1918-21 г., ни что ссылается проф. Прокопович, ни рассказы, рисующие отдельные случаи из крестьянского быта той эпохи, не дают основания для вывода о “всеобщей свалке”. Можно допустить, что в отдельных случаях, при разделе земли, были драки и даже убийства, но такого же рода случаи мы найдем и в помещичьем быту не только России. Я был свидетелем

и даже почти участником земельных разделов в эпоху 1918-21 г. Я не только не видел, но и не слышал о каких либо драках и даже о недовольных. Крестьянство делит землю по жребию. Поэтому можно быть недовольным на свою судьбу и только.

В период революции русское крестьянство произвело всеобщие переделы земли без "опекунов", без "надсмотрщиков" и даже без "посредников". Сегодня, тем более, крестьянство обойдется без подобного рода "гостей".

Во время немецкой оккупации ликвидация колхозов и раздел имущества были произведены самими крестьянами. И снова без "всеобщей свалки". Я прошел пешком в то время, в августе 1941 г., около 600 км. по правобережной Украине — я не видел и не слышал о приостановке сельско-хозяйственных работ. Наоборот, крестьяне под угрозой расстрела пулеметами с самолетов убирали хлеб с полей. Во исполнение приказа Сталина уничтожать при отступлении все, даже хлеба на корню (эта попытка не удалась, сгорела солома, а колос падал на землю и оставался нетронутым огнем, а только подсушенным), советские летчики должны были стрелять по своим крестьянам, работающим в поле. Трудно поверить?! Однако, это факт.

В годы революции наблюдалось уменьшение посевной площади. Но виной, как известно, была продразвертка, насильственное отобрание хлеба большевскими продотрядами, те самые принудительные поставки, за которые ратует сейчас Н. М. Ясный.

Через три года после введения НЭП-а и ликвидации политики принудительных поставок, русское крестьянство подняло посевную площадь с 77,7 милл. га в 1922 г. до 104,3 милл. га в 1925 г., валовую продукцию с 5.460 мил. рубл. до 10.300 милл. рубл. (в ценах 1913 г.). Количество скота увеличилось в стране с 45,3 млн. голов в 1922 г. до 70,5 млн. голов в 1928 г. против 60 млн. голов в 1913 г.

За 24 года коллективного хозяйствования, при напряжении всех сил НКВД и партии — этих цифр большевикам так и не удалось достичь. (Цифры взяты из книги проф. Прокоповича "Русское хозяйство под Советами", изд. на немецком языке).

А следует иметь ввиду, что большевики и в ту эпоху тормозили развитие крестьянского хозяйства, опасаясь роста буржуазного элемента. Сакраментальная фраза Ленина — "мелкая буржуазия ежедневно, ежеминутно порождает из себя капиталистические элементы" (привожу по памяти) — тяготела над сознанием и над всеми мероприятиями большевических властителей. Какие же нужны еще большие доказательства хозяйственной способности русского крестьянства? Все это глубоко уважаемые экономисты знают значительно лучше, чем нишущий эти строки. Задача антибольшевизской революции снять колхозные цены с крестьянства и предоставить ему право самому управлять со своим хозяйством, землей, инвентарем и пр. В каждом отдельном случае крестьяне найдут наиболее правильное для себя решение, чтобы не только разделить землю и имущество, но

и обработать ее во-время. Какие формы примет собственность на сельско-хозяйственные машины колхоза, в какие взаимоотношения станут индивидуальные крестьянские хозяйства с машино-тракторными станциями — все это вопросы следующего этапа, уже этапа строительства нового строя. Тогда только можно будет приступить к практическому осуществлению мероприятий по организации сельского хозяйства России.

Но сказанного недостаточно, чтобы ответить на самый существенный вопрос: “А как же обеспечить обработку всей пахотной земли с первого дня ликвидации большевизма?” Узкополосица сеуждена деревней уже давно. По крайней мере после революции крестьянство в массе своей отказалось от дележа земли на узкие полосы. В эпоху НЭП-а огромное число крестьян вышло на хутора и отруба. Нет никакого сомнения, что, ознакомившись на практике с работой сельско-хозяйственных машин, крестьянин учтет их особенности. Это значит, что он будет делить колхозные земли так, чтобы трактор и уборочные машины могли работать. Будут ли земли поделены на участки, принадлежащие нескольким семьям близких соседей или родственников, или межи будут проводиться только после сева, или еще каким либо образом — все это чисто практическая сторона, которую разрешит само крестьянство.

Что действительно необходимо — это указывать в пропаганде на необходимость сохранения машино-тракторных станций, как целостных организаций, и такого дележа земли, чтобы имеющиеся в каждом районе машины могли работать. Сохранение машино-тракторных станций, как государственных организаций, имеет значительные преимущества особенно в первый момент. Снабжение горючим, запасными частями, ремонт машин — все же значительно легче обеспечить через имеющиеся машино-тракторные станции. Через них же легко осуществить и контроль по обработке и использованию всех пахотных земель.

Проф. С. Н. Прокопович и Н. М. Ясный считают абсолютно необходимым оставление государственного плана принудительных поставок продовольствия. Но опыт эпохи военного коммунизма показал, к чему это приводит. Я глубоко убежден, что этот путь будет гибельным для нового демократического строя и для восстановления сельско-хозяйственного производства.

Вполне вероятно и почти неизбежно, что в первые один-два года придется иметь сельско-хозяйственный налог в форме натуральных поставок, как это было в 1922 г., первом году НЭП-а. Вероятно, до введения твердого денежного обращения придется иметь оплату натурой за части для сельско-хозяйственных машин, горючее для тракторов, за искусственное удобрение, а также и за работы, производимые машино-тракторными станциями. Но это будет законная форма обмена, или оплата за услуги, а не грабеж крестьянства. Разоренное большевизмом пятилетками, раздетое и разугое большевизмской индустриализацией крестьянство вынуждено будет пойти на обмен своих продуктов в значительно больших размерах, чем это было до

коллективизации. Этому будет способствовать и факт отсутствия домашней промышленности в деревне, полностью уничтоженной большевиками.

Большевицкая рабовладельческая система хозяйствования имеет значительно большие потери продуктов, как в период снятия урожая, так и в период доставки, хранения и распределения, чем это присуще производству, организованному на свободных началах.

Несоразмерно много пищевого продукта тратится большевиками и на нужды авторитарного хозяйства, в частности на производство синтетического каучука из пищевого сырья (спирт). В то же время возвращение наиболее сильного и трудоспособного населения непосредственно к трудовому процессу (из армии, с постов колхозной правящей верхушки, части населения городов) — значительно усилит сельско-хозяйственное производство и вместе с тем облегчит снабжение продовольствием промышленного и городского населения страны.

Возврат части городского населения в деревню неизбежен. Неизбежность этого явления связана прежде всего с тем, что рост промышленного и городского населения в стране в советских условиях не находится в органической связи с ростом промышленности и всех не сельско-хозяйственных секторов хозяйства. Но этот отлив населения из городов только облегчит выполнение многих задач в тот момент: снабжение продовольствием, как уже было сказано выше, уменьшение безработицы и ослабление жилищного кризиса.

Не опека над крестьянством, не колхозная кабала, а только свобода, данная русскому крестьянству, облегчит стране переход от рабского коммунистического строя к свободному строю. "Одной свободой не проживешь", — замечает Н. М. Ясный. Совершенно верно. Но свобода, как показал опыт, действует подобно "живой воде". Она ускорит восстановление сельского хозяйства и вместе с тем позволит наиболее безболезненно пройти самый тяжелый, переходный период.

В. Никитин.

Российская Федерация или Федерация Российских Народов?

"Крайность" и "излишность" (ненужность) — понятия родственные по смыслу, как в жизни вообще, так и в политике, в частности, в политике, пожалуй, особенно. Размышляя о будущем национальном устройстве освобожденной России, мы можем, не рискуя впасть в серьезные заблуждения, "скинуть со счетов" два крайних решения — "Едино-неделимую", т. е. по старо-режимному, централизованную Россию, с одной стороны, и немедленную замену России каким-то количеством (в предельном, фантастическом, случае двумястами — по числу обитающих на российской территории племен и народов) независимых и не российских уже республик — с

другой. Если вместе с этими двумя решениями скинуть со счетов и близкое ко второму решение, в виде защищаемого "Лигой" СССР-а (Свободного Союза Свободных Народов) — это родное (умытое и "культурно" причесанное) детище Ленино-сталинского СССР, то на наш выбор останутся два промежуточные решения — *Российская Областная Федерация* "Союза Борьбы за Свободу России" и *Федерация Российских Народов* "Российского Народного Движения".

Многим, на первый взгляд, кажется, что это почти что одно и то же — разница скорее словесная. Но это не так: разница тут глубокая и принципиальная; "слова" тут обязывают и связывают.

Российская Федерация — это федеративно организованная Россия. Это внутреннее устройство ее территории — форма общения ее частей, или областей. Это — "Соединенные Штаты России", объединяющие этнически пестрый, но политически и национально единый *российский народ*, на подобие того, как "Северо-американские Соединенные Штаты" (сокращенно "*Америка*"), объединяют этнически пестрый, но политически и национально единый *американский народ*.

Иное дело — "Федерация народов России". Это не российский народ, а союз обитающих на российской территории, *географически только* российских, народов, один из которых должен сделаться, по этой схеме, великорусским, или русским народом. Российскими, входящие в эту федерацию народы, называются по такому же праву, по которому современные, французский или немецкий, народы именуется европейскими, т. е., по праву чисто географическому. Эти европейские народы могут сейчас же образовать (да скоро, кажется, и образуют) "Федерацию Европейских Народов". "Европейской Федерацией", или "Федеративной Европой" она станет (если станет) только тогда, когда родится на свет *европейский народ*, когда Европа перестанет быть только западным отростком Восточного Полушария, а станет также политическим термином, обозначающим, обитаемое европейским народом, или нацией, Европейское государство — "Европейские Соединенные Штаты" (сокращенно — "Европа"), подобно тому, как "Америка" перестала быть только Западным полушарием, или северной его оконечностью, а стала и политическим термином, обозначающим, обитаемое американским народом, американское национальное государство — Сев.-Американские Соединенные Штаты" (сокращенно — "Америка").

В отличие от не существующих пока (или существующих только в виде благочестивого замысла) европейского народа и европейского государства, российский народ и российское государство существуют уже два с половиною века, и речь идет теперь лишь о замене их прежней, централизованной, формы, новой децентрализованной, или *федеративной*.

И, как раз — обратно, "Федерация Российских Народов" никакой исторической реальности не отвечает, а является лишь политическим и отнюдь не благочестивым на наш взгляд *замыслом*, осуществление которого предполагает превращение национально и политически существующего российского народа в одно из ста пятидесяти

с чем-то географически-российских племен, великорусское, или русское племя, а теперешней территории его, т. е. России, в отведенной ему, рукой Джугашвили, на жительство РСФСР — бывшее, до Петра, Московское Царство, или Московию.

Для нынешней, политически превращаемой иного толка федералистами, в “бывшую” Россию, рассуждая логически, если не довольствоваться чисто географическим обозначением, им придется придумывать новое имя, чем в свое время, на страницах “Нового Русского Слова”, предлагал, в числе других, заняться видный член “Российского Народного Движения”, А. Днепров.

Все тут сводится, в конце концов, к вопросу — есть ли у России свое великое “Я”, или это только серия небольших и маленьких “я”, чужих друг другу, а порой и враждебно друг к другу настроенных. Есть ли Россия единая, коллективная личность, или это смесь малых коллективных личностей, лишь случайно, а то и насильственно, включенных сейчас в общие политические границы?

Или, спросим конкретно, ощущается ли русским ухом украинская или кавказская народная песня, как чужеземная или в какой-то мере, (в случае украинской песни в огромной, почти, стопроцентной) как родная своя? Или, обратно, чувствует ли себя живущий в Москве украинец или учащийся в Московском Университете грузин, вполне заграницей или в какой-то мере (в случае украинца опять таки в стопроцентной) — на родине у себя? В искреннем ответе на эти вопросы — вся суть...

Богатый и прекрасный материал для суждения о современном положении в России национальной проблемы дает статья нового эмигранта А. Днепрова в 8-м № “За Свободу”. Озаглавлена она “Федерация Российских Народов”, а читаем мы в ней такое:

“Рост национального сознания у отдельных народов России шел одновременно с ростом сознания своего права на равное с другими народами и полное участие в управлении всей страной в целом (курсив здесь и в других местах мой. — П. Х.) и с укреплением сознания общности судьбы, общности основной культуры, общности материальных интересов. В результате этого процесса и украинец, и великоросс, и белорус, и грузин, и узбек, и казанский татарин, оставаясь сынами своего народа в смысле национальном, одновременно почувствовали себя с государственной точки зрения членами великого содружества этих народов — содружества, во много раз более тесного — крепкого, чем так называемое Британское Содружество Народов... В России принцип национально-расового превосходства над кем бы то ни было иным всегда отсутствовал: распространяя свою культуру среди других народов страны, русские воспринимали, в свою очередь, многое из культуры и обычаев этих народов, что способствовало, в общем, взаимному обогащению культур. В особой степени это проявлялось в отношении русских, украинцев и белорусов, ибо сама русская культура и даже русский язык являются продуктом совместного творчества этих народов. Потому-то и кажутся такими дикими попытки некоторых шовинистических кругов эмигра-

ции всеми силами отгородиться от этой, всем миром признанной великой и богатой, культуры, соглашаясь принять влияние какой угодно иной... Наконец, далеко не последнюю роль в сознании наших народов играет чувство "имперскости" (не смешивать с империализмом), заключающееся в том, что и украинец из Киева, и армянин из Еривана, и башкир из Уфы, и казах из Алма-Аты, одинаково по хозяйски чувствуют себя в любой точке пространства от Карпат до Тихого океана и от турецкой границы до побережья Северного Ледовитого океана, считая всю страну своей землей, благами которой они могут пользоваться все на равных правах..."

Признаемся, читая эти строки, мы с удовлетворением думали: "Вот и еще один, и квалифицированный, единомышленник наш в национальном вопросе", как вдруг неожиданное "итак" разрушило нашу иллюзию.

"Итак, — читаем мы в заключительных строчках статьи, — основой наших программных установок в вопросе о взаимоотношениях национальностей является *Федерация Народов России*".

Откуда же этот неожиданный и никакой логикой не оправдаваемый "с Божьей помощью поворот"? А куда же девалась "имперскость" всех народов России? Их стремления к полному участию в управлении всей страной в ее целом? Хозяйское чувство армянина, узбека и украинца "в любой точке пространства от Карпат до Тихого океана"?

Такой огромной, географически и этнически пестрой, стране, как Россия, нельзя, конечно, оставаться по старо-режимному централизованной, "едино-неделимой", как проницательно называют теперь старую, дореволюционную Россию: она должна стать глубоко децентрализованной, не только в смысле местного (земского) самоуправления (хотя, конечно, и это), но и в смысле политическом — стать демократической и федеративной. Но при чем тут "национальные республики" и "Союз народов России"? Почему в основу Российской Федерации должен непременно лечь, как священный и абсолютный, этнографический признак, тогда как в географической и бытовой пестроте освобожденной России он может оказаться второстепенным, быть отодвинутым на задний план другими признаками — климатическим, культурным, хозяйственным? Почему прежняя Уфимская губерния должна стать башкирской республикой, а не войти, как предлагал в 80-х годах один из главных инициаторов и идеологов украинского движения, Драгоманов, вместе с бывшими Оренбургской и Пермской губерниями, в состав большой "Приуральской" области, или, вместе с Вятской и Самарской губерниями, в состав "Казанской" области, где и башкирский язык, и башкирская школа, и башкирская литература найдут свое законное место и смогут процветать на полной свободе?

Или, почему, столь различные в бытовом и климатическом отношении, части России, как Архангельская и Смоленская, или Псков-

ская и Тамбовская губернии, должны подчиняться одним и тем же административным порядкам, управляться одними и теми же законами, быть членами одной и той-же великорусской республики, а как в схеме того же Драгоманова, не входить в соответственные, политические автономные крупные области — “Северную”, “Московскую” “Озерную” и “Саратовскую”?

Под федеративной организацией России наш союз разумеет:

“Деление государства — по национальному ли, по бытовому ли или географическому признаку — на крупные, самостоятельные во внутренней жизни области или земли (штаты), обладающие каждая собственным местным правительством, собственным парламентом, собственными органами суда и администрации и местным, бытовым и культурным укладом, при наличии центральной российской власти, общероссийских законодательных органов, российского государственного языка, общероссийской внешней политики и военной организации. Малые народности России и территории сравнительно небольшого размера (вроде “казачьих областей”), образуют каждая отдельный штат. Народности крупные (как Великороссия или Украина) и территории обширные (как Сибирь или Кавказ), положат каждая начало нескольким штатам.

По схеме Драгоманова, например, по духу весьма близкой к нашей, Европейская Россия (не считая Кавказа) делится на пятнадцать больших областей, в числе которых две национальные (“Белорусская” и “Литовская”) и одна территориально-бытовая (“Земли казацки”).

В заключение вот как понимает наш Союз подлинное “равенство и свободу сынов и народов России”: “Истинное равноправие их достигнуто будет не тем, что они рассадят себя по тесным, искусственно выкопанным из живого тела России, племенным клеткам, из которых будут ревниво друг на друга коситься, а тем, что каждый российский гражданин, какого бы ни был он языка, роду и племени, на всем широком просторе России, в какой бы территории или области он ни родился или ни обосновался на жительство, будет чувствовать себя дома, в родной стране, свободно выявляя и национально-племенной своей, и российский лик. “Земли” освобожденной России будут разнствовать друг от друга, как разнствовали некогда земли “Руси”, порядками, законами, бытом, но все будут *российскими* землями (как разноязычные кантоны Швейцарии являются все швейцарскими), все будут входить в “великое и обильное” целое, по воле истории, а не по капризу людей, именуемое Россией. Быть гражданином одной из этих земель, будет одинаково лестно, и одинаково выгодно и черноморцу, и беломорцу, и волжанину, и приднепровцу, и сибиряку, и кавказцу”. (“Российский Демократ” № 1, 1951 г.).

И. Херасков.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Основано въ 1925 году.

Editions « LA RENAISSANCE ».

73, Av. des Champs-Élysées, Paris-8e. Tél.: ELYsées 06-03.

Compte ch. postaux: Paris 781-81.

ПОСЛѢДНЯ ИЗДАНІЯ:

	Ам. долл.
Бунинъ. Воспоминанія	2.25
Есенинъ. Стихотворенія	2.—
Зайцевъ. Тишина, романъ	1.50
Зайцевъ. Въ пути. (Молодость-Россія)	2.50
Еп. Кассіанъ. Царство Кесаря предъ судомъ Новаго За- вѣта	0.75
Маклаковъ. Вторая Государственная Дума	1.—
Мельгуновъ. Судьба Имп. Николая II послѣ отреченія. (Временное Правительство и Царь. Тра- гическій конецъ)	6.—
Мельгуновъ. Какъ большевики захватили власть ...	6.—
Ольденбургъ. Царствованіе Имп. Николая II, полное изд., 3 книги	4.—
Ренниковъ. Кавказская рапсодія, романъ	3.—
Сидорова. Сказка о волшебномъ озерѣ, съ иллюстра- ціями	0.30
Сургучевъ. Ротонда, романъ	3.—
Сургучевъ. Дѣтство Императора Николая II	1.50
Тхоржевскій. Русская литература. Изданіе второе, ис- правленное и дополненное	7.50
Кн. Шаховской. Sic transit gloria mundi. (Такъ прохо- дитъ мірская слава)	3.50
Шмелевъ. Няня изъ Москвы, романъ. Третье изданіе..	2.25
Пути небесные, 2 т.т., романъ. Второе изданіе	5.—
Солнце мертвыхъ. Второе изданіе	2.50
Шикъ. Денисъ Давыдовъ. «Любовникъ брани» и поэтъ	3.—
О. Мережковская. Совѣты хозяйкамъ. (Кулинарія) ...	3.—

„Российский Демократ“

№ 1, 1951 г. Посвящен национальному вопросу.

№ 2, 1951 г. «Разбитые иллюзии» — первые попытки объединения в Фюссене, Штутгарте, Висбадене и Мюнхене.

№ 1, 1953 г. — Посвящен Координационному Центру.
Можно выписывать через редакцию.

Цена — 60 фр.

В издательстве «Возрождение» вышли новые книги
С. П. МЕЛЬГУНОВА

I. Судьба Императора Николая II после отречения

Цена 1200 фр. (422 стр. б. форм.).

Часть I — Временное правительство.
Глава 1 — Арест царя; глава 2 — «Английский мираж»; глава 3 — «Революционное правосудие»; глава 4 — «Муравьевская комиссия»; глава 5 — Вместо Англии — Тобольск; глава 6 — В Тобольске. Часть II — Трагический конец. Глава 1 — Покинутая семья; глава 2 — Тюменская застава; глава 3 — Таинственная миссия; глава 4 — Закупленные дирижеры; глава 5 — Кризис большевизма; глава 6 — Екатеринбургский этап; глава 7 — Убийцы.

II. Как большевики захватили власть (История октябрьского переворота 17 года).

Цена 1200 фр. (390 стр. б. форм.).

Часть I — Свержение временного правительства. Глава 1 — «Назначенное восстание»; глава 2 — «Обманутые»; глава 3 — Кандидат в Наполеоны; глава 4 — канун выступления; глава 5 — 25 октября; Часть II — Под знаменем революционной демократии. Глава 1 — На фронте; глава 2 — После переворота; глава 3 — Кровавое воскресенье; глава 4 — «Белая авантюра»; глава 5 — На новые рельсы; глава 6 — Ставка на разложение. Часть III — Московская неделя. Глава 1 — Военно-революционный комитет; глава 2 — Комитет общественной безопасности; глава 3 — В преддверии боев; глава 4 — Вокруг Кремля; глава 5 — Ультиматум; глава 6 — Начало боевых действий; глава 7 — «Викжель» и перемирие; глава 8 — Уличная борьба; глава 9 — Посредничество «нейтральных»; глава 10 — Сдача; глава 11 — На другой день.

38

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

под редакцией С. П. МЕЛЬГУНОВА.

Журнал выходит каждые два месяца
тетрадами в 200 стр. большого формата.

СОДЕРЖАНИЕ т. 28 (Июль—Август)

К. Померанцев — Восьмой день.

Н. Евреинов — Мусоргский во весь рост.

Л. Врангель — Из воспоминаний юности
(портреты).

Н. Цуриков — П. Б. Струве.

Г. Темиров — Записки репатриировавшегося.

Кн. С. Щербатов — Русские художники;
эстетика и современность (портрет).

Н. Ульянов — Богдан Хмельницкий.

С. Мельгунов — Мартовские дни 17-го года.

Трагедия фронта — революция и война.

О Власовском движении:

Ф. Богатырчук — Мой ответ критикам;

В. Поздняков — По поводу одной теории;

Е. Шульц — Власов в немецком освещении.

СРЕДИ КНИГ.

ДЕЛА и ЛЮДИ.

(политическая хроника).

Годовая подписка на 6 тетрадей во Франции —
1500 фр.; загр. — ам. дол. 6,25. Отдельные номера
во Франции — 300 фр.; загр. — ам. дол. 1,25.

Адрес: «La Renaissance»,

73, av. des Champs-Élysées, Paris (VIIIe).

c/c Postal. Paris 781-81.

Российский Демократ

Цена номера 60 фр.

Адрес редакции: Boite Postale 126. Paris (15e).

Почт. тек. счет: Melgounoff Serge, Paris. CC. 1841-19.

ВЫШЕДШИЕ РАНЕЕ СБОРНИКИ:

За 1946 г. № 1. «Свободный Голос». № 2. «Свободный Голос». № 3. «Свободный Голос». № 4. «Свободное Слово».

За 1947 г. № 5. «Независимое Слово», № 6. «Свободная Мысль», № 7. «Независимая Мысль», № 8. «Независимый Голос», № 9. «Независимый Голос», № 10. «Свободная Мысль».

За 1948 г. № 11. «Россия и Эмиграция», № 12. «За Россию», № 13. «За Свободу России», № 14. «Борьба за Россию», № 15. «Рос. Демократ» (№ 1). № 16. «Рос. Демократ» (№ 2).

За 1949 г. № 17. «Рос. Демократ» (№ 1). № 18. «Рос. Демократ» (№ 2).

За 1950 г. № 19. («Рос. Демократ» № 1).

Комплект сборников за 40-50 гг. (за исключением разошедшихся №№ 1, 2 и 3) продается за 500 фр.

За 1951 г. № 20 («Рос. Демократ» № 1) ц. 60 фр.

№ 21 («Рос. Демократ» № 2) ц. 60 фр.

№ 22 («Рос. Демократ» № 1) ц. 60 фр.

ЖУРНАЛ МОЖНО ПРИОБРЕТАТЬ:

В Париже — в книжных магазинах «La Renaissance» (73, Av. des Champs Elysées), Сияльской, «Кама», Объединенных Издателей.

В Мароко — N. Oulanoff. Cité Baurnoz. Casablanca, Maroc.

В Бельгии — представитель издательства В. Kryloff. 199, Rue du Carnet, Bruxelles 4.

В Англии — Russian Library. 25, Tottenham Str., London W. 1.

В Швеции — Elita, Dalarö, Suède.

В Германии — N. Tsurikov. Jensenstr. 2/I, München 27.

В Соед. Штатах 1) N. Rybinsky. 382 Wadworth ave. ap. 3A. New-York 33, N. Y. Tel. Wa 3-0678.

2) G. Sretschinsky. 305 East 83 St. New-York 28, N. Y.

3) A. Belchenko. 435 — 20 Ave. San-Francisco 21, Calif.

В Канаде — P. K. Svoboda. 218 East, 83 St. Hamilton, Ont.

В Аргентине — M. Kovalev. Calle Conesa 775g. Buenos-Aires.

В Бразилии — 1) Livraria S. Uspiensky. Pr. Patriarcha 26. 5. 32. C. Postal 5153, São Paulo.

2) A. Severing. Caixa Postal 2932. Rio de Janeiro.

В Иране — L. Popoff. 273 Av. Ferdo wsi. Teheran, Iran.

В Австралии — D. Domagazky. 318 Riley St. City. Sidney.